

ВЕЛИКДЕНЬ У ПОДОЛЯНЬ.

(По-поводу «Быта Подолянъ» —Шейковского. Выпускъ I-й,
1860 г. Кіевъ.)

II.

Загадка. Сінь миль мѣсту, а на кінці мѣсту
квіточка зацвіла.—Сінь миль мѣсту, а на кін-
ці квітъ — на весь свѣтъ.

Отгадка. Великдень.

Кто захотѣлъ бы изучить народное оѣбаніе Подолянъ, пусть по-
жалуетъ на Великдень на цвинтаръ. Другого удобнаго случая видѣть
всѣхъ въ лучшихъ уборахъ, какіе только есть, не найти; всѣ остальные
праздники не представляютъ ничего подобнаго: изъ церкви въ домъ —
та й годі; Великдень напротивъ собираетъ всѣхъ—и собираетъ тамъ,
гдѣ каждому быть можно. Вышедши на *цвинтаръ*, мы увидимъ лицъ
обоого пола и всѣхъ возрастовъ, да притомъ, — въ самыхъ луч-
шихъ нарядахъ. Слово *нарядъ* представляетъ воображенію шелки,
атласы, пожалуй — жемчугъ, бархатъ... Напрасно!...тѣ Укра-
инцы, которые могли бы одѣться богато, отказались отъ націо-
нальныхъ нарядовъ; а кто не отказался отъ нихъ, тотъ удержалъ са-
мое необходимое—*щобъ тільки голому не ходіти*. Лѣвая сторо-
на хоть кое-что имѣетъ; а на правой и особенно у Подо-
лянъ осталась только неразлучная спутница жизни—*світа*, и суще-
ствуетъ въ разныхъ ея измѣненіяхъ: *світа, ствітка, чугай, чу-
гайна*, и не только *съ прѣстого сукна*, но даже *съ портмъ*. Бо-
гачи имѣютъ кожухи и *ярочкові* свиті, а очень богатые — *світу
крамськѹ*. Ноги обувають *въ постолі*—самоходы (измѣненный видъ
постоловъ — *равлики*); сапоги встрѣчаются рѣдко, не только въ
будень, но и на Великдень,—а то и безъ постоловъ. Женская оде-
да отличается отъ мужской отсутствіемъ *кабки* (по-подольски—*капа*,
кантѹръ) и *вилѣжистимъ коміромъ*. Но большею частію одна и та-

же свита грѣть всѣхъ: мужа и жену, отца и мать, сына и дочь. Мѣсто плахотъ заняли *мережані запаскѣ* и *спідниці*. *Жінки завивають* въ *наміткѣ*, а въ платкѣ *срамъ вийти мійже люди; заперёджують* большими платками, складывая ихъ по діагонали въ треугольникъ. Вмѣсто очинка служатъ *каптурѣ* — тотъ же очинокъ, но съ круглымъ донышкомъ, и въ цвѣты. Лучшіе *каптури* получаютъ изъ Одессы. Красный поясъ довершаетъ нарядъ. Ходятъ больше боеикомъ.

Для дѣвчатъ лучшимъ нарядомъ служитъ сорочка. Обобранныя до рубахи, Подолянки — дѣвицы умѣли сдѣлать *сорочку* щегольской. Сколько времени проводятъ онѣ за *крѣснами*! *збирає, мережитъ, поликѣ вишиває*... Надъ шитьемъ рубашки проходитъ иногда полгода. Очевидно, этого не было бы, та *хіба іднѣ сорочка въ голові, а білше роботи и нема!* Тільки въ матері и послѣи, якъ дочка підросте. Но зато ни въ какомъ нарядѣ Подолянки не бываютъ такъ прелестны, какъ въ свої вишивані сорочці. Широкая, бѣлая, какъ снѣгъ, небрежными складками она спадаєтъ по плечамъ и груди, закрывая ихъ одѣ *цикавого бѣка*; станъ туго охваченъ червоннымъ *поясомъ*. Тамъ не шьютъ рубашекъ *безъ коміра* (т. е. съ горсомъ), какъ въ Гетьманщинѣ; тамъ шея плотно охватывается узенькимъ, вышитымъ *запоясьемъ, коміромъ*, который не пришивается, но есть *зачинка* самихъ *бріжівъ*, состоитъ изъ мелкихъ складокъ. Оттого-то и сорочка въ высшей степени *распнѣ*, и чѣмъ *распнѣ*, тѣмъ признается лучше. Рукава, равнымъ образомъ, широкіе, собираются также въ *комірці* у кисти и подвязываются выше локтя, оставляя нижнюю часть руки открытою. Верхъ щегольства — *поликѣ*, т. е. шитье на рукавахъ. Головной уборъ дѣвчатъ — Подолянокъ также отличенъ отъ убора дѣвчатъ Полтавской, Черниговской и даже Кіевской губерній. *Заплітають* тамъ въ *дрібниці* и косы повязываютъ, какъ на рисункѣ Ригельмана, (съ подписью, сколько мнѣ помнится, «крестьянская дѣвушка»). Въ Гетьманщинѣ, какъ извѣстно, заплетаютъ одну косу и та виситъ по плечамъ. Мѣщанки подолянки *заплітають* *пошляхецький* — въ *ріжкѣ* — двѣ косы на затылкѣ, каждая ближе къ уху; завиваютъ ихъ накрестъ: лѣвая коса идетъ затылкомъ къ правому уху, а правая къ лѣвому и такъ перекрещиваются; на темени онѣ связываются въ узелокъ маленькими *виплітками*. У которой мѣщанки малая коса, та носитъ *упліткѣ*, какъ всякія щеголихи высшего круга. Въ гетьманщинѣ нѣтъ такого разли-

чія: только пная мѣщаночка-кокетка ходитъ совѣмъ не заплетаясь. Если наблюдать дѣвичій уборъ по дорогѣ отъ Миргорода черезъ Кіевъ и Білу-Церкву на Подоль, то обычай заплетаться въ одну косу доходитъ до Білої-Церкви. Тамъ начинаютъ заплетаться уже въ *ріжки* и завязанныя головы встрѣчаются *рѣже* и *рѣже*.

Стрічки въ Миргородѣ не въ употребленіи; только и лентъ на головѣ, что *підкісники* висятъ. Чѣмъ ближе къ Кіеву, сколько я замѣтилъ, тѣмъ больше *стрижокъ* употребляютъ и первоначально увеличивается *підкісникъ*: вмѣсто одной *стѣжки*, вплетаютъ ихъ понѣскольку. Попадаются и такія, которыя украшаютъ *стенжками*, и голову. По ту сторону Кіева *підкісникъ* съ одной косой теряется, являются двѣ косы (*ріжки*) и *стѣжки* преобладаютъ надъ платкомъ. Но *стрічки* какъ — то навязываютъ по головѣ. *Квітки* также почти до Білої - Церкви затыкаютъ большія — спереди, а къ затылку все меньшія, — отчего *заквічана дівчина-чубата*. Вѣнки постепенно суживаются и *київські квітки* встрѣчаются *рѣже* и *рѣже*; *наміста чіпляють* все больше и больше, *платки* постепенно замѣняются *спідницями*; *червоні чоботи* постепенно преобладаютъ надъ желтыми, а *чорноголовці* или *чорнобривці* совершенно пропадаютъ. На ярмаркахъ уборы представляютъ смѣсь, въ которой незамѣтно перевѣса на сторонѣ какого-либо обычая, но все идетъ *мішма*. Такую еще фізіономію имѣетъ ярмарка въ Білій-Церкві. Здѣсь еще встрѣчаются *скиндячкі*, какъ и около Миргорода. *Жінки въ очіпкахъ* и въ *наміткахъ*; *чоловіки въ чумаркахъ*; юбки тоже есть и т. д. Но въ Умани не увидите *жінки безъ намітки*, развѣ шляхтянку или мѣщанку, да паню; всѣ дѣвчата въ *дрібницяхъ*, кромѣ шляхтянокъ и мѣщанокъ, также *дяківенъ* и т. п. *Стрічки*, которыя тамъ называютъ *биндами* (бинда), прикалываются до *лубка* (родъ обчѣйки), который дѣлаютъ изъ бумаги, и снимаютъ его съ головы и накладываютъ на голову, какъ шапку. *Лубокъ* извѣстенъ также подъ именемъ *кички* (кічка). *Лубокъ безъ биндівъ* точь-въ-точь околышъ отъ фуражки, только выше—всего вершка въ два вышиною. *Бинди* не какъ попало цѣпляютъ къ лубку; но прежде всего самыя *лубокъ разъ коло-разу* обвиваютъ *биндою*, спирально, *щобъ и не знати, що тамъ папірѣ*. Затѣмъ *чіпляють* и *бинди*—саму *ширшу на самий спідъ*, а которыя поуже, тѣ постепенно одну на другую до *самої вузенької*; *при кінці чорна оксамітка*—шириною въ палець или *биндочковий кісникъ*; *поверхъ него блищача*

вузёсенька—мишурная. *Бинди до лубка* не пришиваются, но прикалываются (только сзади) *шпильками съ червоною голоскою*. Когда лубокъ наложить на голову, то *бинди* сзади спускаются *понижче пояса*, и застилаютъ всю заднюю часть головы отъ уха до уха, только двѣ верхнія — *блещана* и *оксамітка* обыкновенно коротки, только *обходять* лубокъ и *кінці сходятьця*. Когда снять лубокъ, то голова украшается только косами, въ которыя влетаютъ *кісники* или *шнуркові*—красныя плетенныя шнурочки, толщиною съ тонкое гусиное перо, или—*биндочкові*—красныя узенькія ленточки шириною въ палець. Какъ *шнуркові*, такъ и *биндочкові кісники*—шерстяные, нелиняючи. *Квічаютьця* тожъ въ обратномъ порядкѣ—большіе цвѣты затыкаются на затылкѣ, а меньшіе въ постепенномъ порядкѣ *на передѣ*. Иногда употребляютъ только два цвѣтка, которые втыкаютъ за косу на затылкѣ, или по одному за каждое ухо. Любимые цвѣты *подолянокъ*:—*повнякъ*, называемый также *купчакѡмъ* (гвоздика), *чорнобрівецъ* *грецький* *чорнобрівецъ* (*smutna wdowa*), *настуриця* (красола), *рѣта*, *барвінокъ*, *мятка* (проста и ингэльська), *любістокъ*, *найдкі* (тожъ *сердечникъ*), *зірка*, *страпате зія* и *сіре зія*. Сюда же надо причислить *окладникъ*, *дівдерево*, *разноцвітъ* или *острѣжки*, *ласкавицю*, *байсаміну*, *марѹну* и т. д. Вѣнки тамъ плетутъ тонкіе изъ цвѣтовъ и листьевъ; зимою, вмѣсто того и другого, служатъ перья, окрашенныя въ зеленый, синій и красный цвѣтъ съ *позміткою*. Желтыхъ сапогъ совершенно нѣтъ, но и красные, даже черные, рѣдко попадаются: больше ходятъ *босикомъ*! Вмѣсто того, чтобы связывать голову, какъ больные, (какъ въ Гетьманщинѣ), *підвѣзуютьця*—черезъ уши и темя. Шляhtянки и т. п. *закрѣтуютьця*. Впрочемъ—это для защиты отъ холоду. Кромѣ косъ, носятъ еще *мішки* (начѡсы), всего пальца въ два шириною. Идутъ они по бокамъ чела за уши и привязываются къ косамъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ начинаются—у самой головы. *Серѣжки* тамъ называются *ковткѡми*—*ковткій* (отъ *кѡватися*—*болтаться*); носятъ *дукачі*, а *намістомъ* богачки застилаютъ всю грудь.

Домашній уборъ отличается тѣмъ, что *молодіиці* *завиваютьця*, *вм. намітки*, въ хустку, нѣкоторыя въ *кашмірѡву шабѣ*; *дівчата* безъ *биндівъ*, и какъ тѣ, такъ и другія въ запасахъ и постоянно *босі*—даже зимою. Ходить босикомъ на Подоли вошло въ обычай и ту женщину, которая ходитъ босою ногою по снѣгу, называютъ *чепурухою* (бачъ якъ чепурітця!). *Дівчата* и *молодіиці*

отправляются босыми ногами по снѣгу и на довольно-значительное расстояние, требующее двухъ-трехъ и болѣе часовъ времени, лишь бы въ своей деревнѣ. До глубокой осени (до після Покрови) онѣ и не думаютъ о сапогахъ, даже до Параски и Гмітра (до Гмітра дівка хітра).

Играющіе, всегда, лѣтомъ и зимою въ хатѣ, и на Великдень подъ открытымъ небомъ, почти безъ исключенія въ сорочкахъ, развѣ ужъ большой холодъ.

Парубочі сорочки также вышиваются; такъ бывало въ старину и въ Гетманщинѣ, но теперь уже вывелось. На Великдень парубки тоже въ сорочкахъ. Вообще говоря, Подоляне только въ особенныхъ случаяхъ одѣваютъ *свиты*, *кожухи* и т. п., напр. на ярмарку, идучи до попа съ просьбою и т. п. Но возвращаясь изъ ярмарку, если погода не мѣшается, большею частію, остаются въ сорочкахъ. Лѣтомъ мужчины, большею частію, ходятъ съ открытою головою. (Здѣсь, разумѣется, высказаны не всѣ особенности Подолянъ).

Великдень,—улица;—*діди съ чоловіками поділились на гуртбачки*; иные сидятъ, другіе стоятъ, кто опершись на палку, кто на *парканъ*, и *роздебеньдюють стиха*, поглядывая на рѣзнящуюся молодежь. Не та пора, щобъ и имъ принять участіе въ игрѣ: *старікіости не ворущаця и сѣрце збучавіло*. Не то ужъ у нихъ и въ головѣ: *тому сына женивити, у того внука на віддані, тому дочку дружити*. А хозайство! Вотъ чѣмъ ихъ головы *турбуютьця*. Но бывало... *Э!* скажетъ *дідъ*, покачивая головою, *бувало и ми тѣе... ажъ земля движіть. Вміли до горі головою ходити; та що задувати: поти вживати світа, поки служать літа. Отъ чіе теперъ (ігало: покажетъ на парубковъ, на дѣвчатъ); послі оттихъ буде, укажетъ на дѣтей; а колись и імъ відлетитъ, якъ будуть такі угодні въ Господа, що доживіть нашихъ літъ. О! тоді и вони стануть, якъ и ми, та тільки будуть поглядати, якъ молода кровь іграе...*

А молода кровь іграє! тамъ шйла бьютъ, тамъ кашу варять, тамъ *харлай* скачуть; онде въ чорта, въ довіі лозі... Вотъ дівчина побѣжала, вотъ и другая—въ противоположную сторону. Это дитинку продають. И *горохъ*, и *гоірѣчки*, и *кривий танецъ*, и *зайнько*... *Великдень та й іоді*. Передадимъ же по порядку всѣ эти игры, коснемся и другихъ, какія знаемъ... Хотя наше и *минуло* уже, хоть

намъ ужъ и не участвовать въ играхъ,—такъ услужливое воображеніе поможетъ намъ...

Шила бити. Парубки прежде всего *виміраютьця*: берутъ поясъ и за него каждый берется рукою по порядку—одинъ, потомъ тѣсно возлѣ его руки беретъ другой, тамъ третій, четвертый и т. д. до послѣдняго. Выше руки послѣдняго беретъ первый, за первымъ второй и т. д. пока станетъ пояса. *Спідній* (т. е. тотъ, чья рука будетъ *на самімъ споді*—послѣднею, когда уже весь поясъ вымѣряютъ,) или, смотря по уговору, *вѣрхній*—(чья рука будетъ *на самімъ вѣрсі*, когда выше этой руки уже нельзя взяться за поясъ) идетъ въ кружокъ, который образуютъ остальные играющіе, плотно утѣвшись одинъ возлѣ другаго, чаще всего вокругъ ямки. Предварительно заготавливаютъ *шило-битку*. Вся сущность этой игры состоитъ въ томъ, что находящійся въ кружкѣ парубокъ долженъ поймать битку, а тѣ между тѣмъ, сколько могутъ, стараются не допустить его до этого, не силою, но хитростію, подавая шило по-за плечами другъ-другу. Тотъ, дѣйствительно, не знаетъ даже въ какой сторонѣ оно *обертѣється* и только ударъ по плечамъ—*сѣмий несподіваний* или, какъ говорятъ, *що не знаєшь звѣтки на тебе спіде*, даетъ ему знать это. Но тѣмъ временемъ битка—*шило* снова *уже гень-гень* и новый ударъ, и снова *шило пошлося*. При неловкости своей и при ловкости кружка, середній можетъ и довольно долго пробыть въ кружкѣ, пока ему удастся поймать-таки это *шило*. Пойманный съ шиломъ, какъ бы въ наказаніе за свою неловкость, самъ идетъ *въ середину*, а тотъ садится на его мѣсто въ кружкѣ. И ужъ дастъ же онъ за свое! Но судьба очень часто рѣшаетъ дѣло иначе: не успѣетъ онъ и *замахнутись, якъ той лапъ! и спіймавъ*. »А! сього сина!« *та й підеш зновъ на своє місце*—въ середину. А тутъ еще хохотъ, остроты... Вся цѣль игры—смѣхъ. Дѣйствительно, шило почти исключительно оканчивается тогда, когда ни играющіе, ни смотрящіе на нихъ уже не въ силахъ больше смѣяться.

Кашу варіти или въ коня грати. Парубки или *хлопці* въ четверемъ—(въ двѣ парі) прежде всего *виміраютьця*; но уже иначе: по два, и чаще всего *полдю*, а не поясомъ. Впрочемъ, то не законъ: »на чимъ би не виміратись, аби виміратись.« *Виміравшись, спідній* стаєть *въ пару съ спіднімъ*, а *вѣрхній съ вѣрхнімъ*. Это еще не относится къ самой игрѣ, а составляетъ только преддверіе ея, какъ бы жребій: *кому ставати за коня, а кому їздити*. Во всѣхъ

играхъ, при которыхъ только *виміраютьця*, *спіднімъ* хуже; а *вѣрхні панцюють*. Но обычай *виміратьця*—въ ходу при каждой игрѣ, состоящей изъ двухъ половинъ—разумѣется въ игрѣ парубочей. Такъ и здѣсь *спідні* стоятъ за коня, а *вѣрхні кашу варять, іздя, первертаютьця*.

Все это происходитъ такимъ образомъ:

Чтобы образовать коня, *спідні* стоятъ на колѣни, лицомъ одинъ къ другому, и потомъ наклоняются къ землѣ такъ, что и локтями стоятъ на землю. При этомъ наблюдается, чтобы, когда они *притуляютьця* одинъ къ другому, плечо одного приходилось *въ перехваті* другого. Спины ихъ обоихъ находятся на одной площади и образуютъ одну сплошную поверхность; причемъ лѣвый или правый бокъ одного прикасается къ лѣвому же или правому боку другаго, ибо они лицомъ (передомъ) въ противныя стороны. Головы свои они оба *подають* къ землѣ, чтобы такимъ образомъ не мѣшать *вѣрхнімъ*—да и самимъ лучше. Когда *спідні* такимъ образомъ устроятся—*зроблять коня, стануть коня*, *вѣрхні* стоятъ одинъ по одну сторону его, а другой по другую, и который изъ нихъ безсилнѣе, тотъ начинаетъ игру; оборачивается спиною къ коню, слѣд. и къ товарищу, который топтъ по ту сторону коня, и ложится *горіниці*—т. е. спиною на коня, поперегъ его *по самі середині*, наблюдал, чтобы не скатиться на землю. Другой, верхній, наклоняется на этого,—разумѣется со стороны головы,—беретъ его *за поперекъ* (по-підъ крѣжі) и поднимаетъ *до горі-ногами*. Поднимаемый въ свою очередь охватываетъ руками поднимающаго, такъ же *за поперекъ*, и ноги поднимаетъ *до гори*, чтобы такимъ образомъ пособить товарищу и приготовиться стать на землю, какъ увидимъ ниже. Если тому удастся поднять этого (иногда *на самімъ початку спортитъ; не такъ возьме або-що, та й упуститъ; а поправлятись не годитця*), то голова поднявшаго очутится *въ самихъ рѣзсохахъ* поднятаго, который виситъ внизъ головою и ноги нагнувъ черезъ плечи своего товарища. Если въ этой позиціи посмотримъ на нихъ въ профиль, то увидимъ фигуру, нѣсколько похожую на букву Г, изображенную въ обратномъ видѣ (Г), т. е. отъ правой руки къ лѣвой, или на печатное прописное Т безъ праваго плеча, что одно и то же (Т). *Перехрѣстя* этой буквы поднято вверхъ и сверхъ того ломается (т. е. ноги въ колѣнахъ). Фигура эта не стоитъ, но тотчасъ же обращается на мѣстѣ, отчего получится изображеніе, похожее на настоящее Г, разумѣется съ тѣмъ же изъяномъ. Потомъ

это Г наклоняется, ложится через коня и, такимъ образомъ, своимъ носомъ достаётъ земли и тотчасъ же поднимается въ обратномъ видѣ: очевидно, это играющіе *перекидаются—кашу варятъ*: поднявшій оборачивается спиною къ коню, ложится съ ношею, отчего тотъ, кто былъ поднять становится на землю и затѣмъ поднимаетъ своего товарища. Если это удастся, то получается снова та же фигура, только въ обратномъ видѣ, и уже по другую сторону коня. Затѣмъ происходитъ то же самое: поднявшій оборачивается, ложится; поднятый становится на землю и т. д. При этомъ нельзя поправляться; поэтому *вѣрхні* обыкновенно скоро *спортятъ*: который-нибудь *унеситъ* товарища, или оба скатятся, или одинъ не подниметъ другаго: *попробуе—цикъ! та лишь засміється*. Когда *спортятъ*, тогда *вѣрхні* становятся за коня (*коня станеть*), а *спідні* уже *кашу варятъ*. Варящіе кашу всѣми силами держатся одинъ другаго и напрягаютъ всѣ усилія, чтобы не испортить; но тяжесть ноши, при напряженности положенія, скоро утомляетъ. *Спіднімъ* въ этой игрѣ легче, нежели *верхнімъ*, но *верхнімъ* больше удовольствія, нежели *спіднімъ*. «А що? *попоїздили?*» — *А ми по вась!*

Харлай грати, или скакати харлай, или же просто *харлая*. Названіе предыдущихъ игръ понятно: *шило*—оттого, что средний постоянно шьется, вьется. Существуетъ и поговорка, напоминающая эту игру: *вѣстця, якъ шило*. Другая игра: *кашу варити*, равнымъ образомъ имѣетъ для себя объяснительную поговорку: *каші наварити* — тоже, что надѣлать *колотні*, какъ *пива наварити* значить накуралесить. Другое названіе этой игры понятно безъ объясненій. Но откуда произошло названіе *харлай*? Въ языкѣ существуетъ слово *харлай* или *харлань* — тоже, что и *харпакъ* — ничего непимущій. *Харлай* — названіе относительное: въ сравненіи съ Ротшильдомъ, всѣ наши богачи — *харлай*; но, въ свою очередь, найдется очень-очень много и такихъ, которые будутъ дѣйствительными *харлаями* въ сравненіи съ послѣднимъ *харлаемъ* изъ нашихъ богачей. Но едвали можно допустить, чтобы *игра въ харлая* имѣла что-либо общее съ *харлаями*. А впрочемъ—*что ёго скаже...* Однако сомнительно: здѣсь одна половина играющихъ представляетъ собою коней, а другая скачетъ на нихъ. Это очевидно не *харлацкое* дѣло. Развѣ насмѣшка надъ ними, что они не умѣютъ ѣздить *верхи*; потому что роли играющихъ перемѣняются съ паденіемъ на землю кого-либо изъ первыхъ. Самая игра состоитъ въ слѣдующемъ:

Виміравшись, парубки — не болѣе десяти (т. е. всего четыре, пять паръ) — дѣлятся на двѣ половины — верхніе *къ верхнімъ*, а *спідні* *къ спіднімъ*. *Спідни* идутъ къ церковной стѣнкѣ и стоятъ *коня*: первый въ половину нагибается и опирается объ стѣнку плечомъ, причемъ, очевидно, туловище его должно изогнуться, — иначе оперся бы головой, а не плечомъ. Второй такимъ же образомъ становится позади первого и на него опирается, но уже не какъ тотъ — объ стѣнку, а слѣдующимъ образомъ: животомъ нѣсколько какъ бы ложится ему на спину *наздовжъ* и *наскось*, потомъ нагибается къ землѣ и голову прячетъ тому подъ грудь. Третій такимъ же образомъ поступаетъ въ отношеніи ко второму, четвертый въ отношеніи къ третьему и т. д. Если посмотрѣть на этихъ коней съ высоты, то увидимъ родъ *кіски* — какъ если бы обыкновенную женскую косу, заплетенную *въ три пасмі*, срисовать *наздовжъ* не цѣликомъ, а только лѣвую ея половину. Когда такимъ образомъ устроится конь, *вѣрхні* одинъ за другимъ *розбіаютьця* и скачутъ на нихъ въ длину: скачущій опирается руками на крайняго и сразмаху скачетъ, пропуская — ловкій скакунъ — промежъ своихъ ногъ всѣхъ коней и садится на послѣдняго. За первымъ другой, стараясь сѣсть возлѣ первого, если онъ удачно скочивъ, тамъ третій и д. Прежде всѣхъ скачетъ тотъ, кто скачетъ лучше всѣхъ, потому-что отъ того, гдѣ онъ сядетъ, зависитъ успѣхъ ихъ роли. Если первый сядетъ очень близко, то для второго, — а для третьяго непременно — не хватитъ мѣста, развѣ перескочить первого. — Для этого первый можетъ и нагнуться. Но рѣдко находятся такіе *митці*, которые могли бы перескочить такимъ образомъ, однако бываютъ. И если участвуютъ въ игрѣ, то скачутъ послѣ всѣхъ: *якъ мице, то ажъ підъ самісінькою стіною следе*. *Щебъ дальше залетѣвъ, та нікуди*.

— *Не поправляйсь, не поправляйсь*, кричатъ *зісподу*.

— *Говори!* отвѣтитъ онъ, *та ногами въ боки, паче острогами*. — *Ось лишъ везіть добре; а я не впаду*.

Такъ *вѣрхні* скачутъ до тѣхъ поръ, пока кто изъ нихъ не свалится на землю *до гасла*. *Гасло* даютъ *зісподу*: *годи*, кричатъ, или *злазь*, и т. п. Если же не выскочить, а только *мице*, или же, выскочивши, *зсунетьця* и т. п. *до гасла*, такъ-что ногами коснется земли, то *спідні* идутъ скакать, а *вѣрхні* стануть за коня. Если замѣтятъ, что кто изъ вскочившихъ не твердо сѣлъ, то *гасло* нарочно не скоро *подаютъ*. И сколько суматохи при этомъ! *Держись, дер-*

жись-держись! кричать *спідні на своїхъ; держись-держись!* кричать *верхні на свого.* А той *причепитця и держитця, ажъ руки мліють.* Въ крайнихъ случаяхъ и зубами схватится, не разбирая мѣста, да въ азартѣ попадетъ, вмѣстѣ съ полотномъ, и *тіла шматъ.*

— *Не кусайся!* завопить укушенный: *хто-тамъ? який тамъ сучий синъ заходивъ зъ зубами коло купра!.. Ай а-й! годі! хай вамъ цуръ!* А тѣ, знай, смѣются; *А!..* крикнетъ укушенный-послѣ всего:—*ну добрі має зуби. Якъ собака вкусивъ. Білімѣ, шо півне, и тіло вирвавъ...* Да вотъ тѣ ужъ готовы, пора становитись. И становятся снова въ прежнюю позицію не забывъ сказать: *та не кусайтесь, бо віскочу; ви жъ не вовки, щобъ живцемъ їсти. А кому мало свяченого, кобили шукай, або біжи зайця лови...* *Глядіть же! не кусайтесь-гей собачня! ви чуєте? не кусайтесь, говорю вамъ!* прибавить, уже спрятавъ голову. Да тѣ, къ кому рѣчь относилась, и не разслышать: они рады, что скакать пора, и *гайда*—одинъ за другимъ.

Довгої лозы. Эта игра не имѣетъ сама по себѣ ничего замѣчательнаго; играющіе ложатся наземлю въ рядъ, одинъ отъ другаго на нѣсколько шаговъ, и послѣдній поднимается, бѣжитъ и перескакиваетъ чрезъ всѣхъ лежащихъ. На другомъ концѣ и самъ! ложится. То же дѣлаетъ и слѣдующій, и т. д. Бѣгутъ не поодиначкѣ, но едва первый перешагнетъ двухъ-трехъ, какъ начинается слѣдующій, тамъ слѣдующій и т. д. Вся прелесть *довгої лози* состоитъ въ живости, съ какою парубки бѣгаютъ, и въ плавности. Для-шутки иной лежащій *тигне*, *щобъ бѣгущій носомъ запоровъ.* Если это удастся, то общій смѣхъ наградитъ его выходку; но случается, что этотъ *не піде кумилѣмъ* (клубкомъ), и дастъ тому *пляскача* и поскачетъ далѣе. Тогда смѣхъ имѣетъ для него обратное значеніе; а кромѣ того *ще й нашить.*

Есть и *дівоча довга лоза.* Эта уже съ пѣснью. Дѣвицы берутся за руки по-парно и становятся пара отъ пары въ нѣкоторомъ разстояніи. Руки онѣ поднимаютъ *до гори* и образуютъ родъ *одвірцівъ* (что-то въ родѣ буквы П, только перекладина на серединѣ выше, а по краямъ ниже; головы, разумѣется, выдаются). Число паръ неопредѣленно. Въ образованную такимъ образомъ цѣпь дверей, послѣдняя пара пробѣгаетъ и всѣ поютъ:

Видотіи и нѣзго А въ довгої лози

за дивляшко Скакали дівки, якъ кози.

Пробѣжавши подъ всѣми руками, эта пара останавливается и поднимает руки, въ свою очередь, а слѣдующая бѣжить и т. д.

Въ парубочей довгой лозѣ число играющихъ также не опредѣляется.

Замѣчательнѣйшая и послѣдняя парубоча игра, это — *Чортъ (въ чорта гра́ти)*. Она довольно сложна и имѣетъ мнѣшескій характеръ. — — —

Кромѣ этихъ игръ, парубки иногда *гра́ютъ въ мяча́*. Но игры въ мячъ не *великодні*; изъ нихъ употребляются только тѣ, которыя не требуютъ много мѣста, какъ-то: *въ коня*, *въ каши*, *въ серединки*, *въ горіи́ка*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *въ тарапа́ти* — игра, имѣющая двѣнадцать частей (колінь). По желанію играющихъ, число колѣнь уменьшается до шести, но можетъ и увеличиваться (вподвійні) вдвое, (впотрійні) втрое, даже вчетверо и вшестеро. Существуетъ еще игра, называемая *сті́нкою* (сті́нка), и нѣкоторыя другія.

Заключительною парубочькою игрою надо поставить искусство *стро́ити дзві́ницю*: становится пять, на нихъ—на плечахъ—четыре, на четырехъ три, тамъ два и наконецъ одинъ. Чтобъ *дзві́ниця не впа-ла*, берутъ длинный шестъ, за который держатся руками средніе въ каждомъ этажѣ и верхній. Такъ они удаляются *зъ цвинтара*, *щобъ уже не вертатись* для игры *до прі́шого ро́ку*. *Дзві́ниця* подвигается и поетъ, за нею идутъ остальные парубки и также поютъ; сверхъ того, *той навприсі́дки*, *той ко́лиса*... *Якъ пішла вже дзві́ниця, то зъ цвинтара всі-наче їхъ ві́никомъ замі́въ*. Какъ-то грустно становится, когда видишь уходящую *дзві́ницю*: она будто символизируетъ удаляющійся Великдень. Самая веселость удаляющихся кажется натянutoю, искусственною; ихъ пѣсни—не пѣсни, но прощанье, *голосі́ня*, и, не смотря на веселье, большею частію, напѣвъ, возбуждаютъ въ душѣ противоположныя чувства... Такъ—какъ силачи перевелись, то *дзві́ницю* не въ каждомъ селѣ и не каждый годъ можно видѣть.

Къ великоднымъ играмъ, кажется, надо отнести и нѣкоторыя дѣтскія игры, какъ-то: *въ про́са*, *въ дзво́на*, *въ ба́шмана*, *въ*

німця и въ *жмўрки* (шжмурки) (*). Ни въ одну, впрочемъ, изъ этихъ игръ на Великдень не играютъ, и я отношу ихъ къ великоднимъ по соотношенію ихъ съ послѣдними: — *просо* потому, что существуетъ *гаивка* (и *танокъ*): *просо сіяти* (въ этой игрѣ, впрочемъ, уже приглашаютъ *жати просо*). Игру въ *дзвона*, по сходству обрядовой стороны ея со многими *гаивками*: играющіе образуютъ цѣльный кругъ (какъ въ *зайнѣ* и др.) и въ *серѣдині*, *сѣрце бьеця*, и *все: бамъ! бамъ!*, пока не проскочитъ подъ руками, и пр. *Баштанъ роблятъ* — *грають въ баштана* — цѣлое лѣто. Игра эта своеобразна и сложна; въ ней участвуютъ хозяинъ (иногда съ семействомъ), собаки и *злодій*. *Німець* походитъ на *шило*, только играютъ стоя, и битку носить одинъ съ внѣшней стороны кружка; онъ подбрасываетъ битку и если тотъ, подъ кого она подброшена не спохватится, то подбросившій обходитъ весь кругъ, беретъ битку и бьетъ неосмотрительнаго *наздогнѣ*, вокругъ всего кружка. Если же этотъ осмотрится, то самъ хватаетъ битку и *наздогнѣ* за подбросившимъ. Право бить оканчивается съ занятіемъ опустѣвшаго мѣста въ кружкѣ, которое долженъ занять уходящій. Впрочемъ, эти игры могутъ и не принадлежать къ Великодню. Что же касается *жмурокъ*, то эта игра, по всей вѣроятности, есть великодная. Расскажемъ ее въ подробности.

Въ *жмўрки* на Подоли играютъ двоякимъ образомъ: *на дворі* и *въ хаті*. *Надвірні жмурки* требуютъ много пространства, пуждаются въ городкѣ и т. п. *Жмурятъ* здѣсь обыкновенно два, по добровольному согласію, остальные *ховаютьця*. Одинъ изъ прячущихся даетъ знать словомъ *ужѣ*, что значить пора искать. Тогда жмурящіе въ одинъ голосъ кричатъ: *«кобле-кобле!»* (или *бобре-бобре*) *ховай-же-ся добре; бо я хорти маю, по полі пускаю: якъ піймуть, роздеруть, — Я виненъ не буду*. Прокричавши всѣ эти слова, одинъ идетъ гонять, а другой наблюдаетъ, чтобы кого изъ ховавшихся *покицати*—ударить, или хоть прикоснуться внѣ городка. *Кицяє* и тотъ, который ходитъ гонять. Кого гоняющій застанетъ нетронувшимся съ мѣста, тотъ кричитъ: *цуръ!.. на гарачіхъ місцяхъ*, — и получаетъ уступки нѣсколько шаговъ. Гоняющій тогда только можетъ *покинути* этого, когда догонитъ послѣ данной уступки. *Цуръ* кричатъ и въ томъ случаѣ, если по какой-либо причинѣ, а не по неумѣнью

(*) 6-я кн. Основы—ціці-баба (стр. 36 Рідзвяні сваткі).

и т. п. случится, что нельзя уходить. Иногда еще и плюют на землю: *тэху! цуръ...* Тоже дѣлаютъ и на *гарачіѣхъ мѣсцѣхъ*: *тэху! цуръ! на гарачіѣхъ мѣсцѣхъ*. Кого покидали, тотъ начинаетъ жмурить. Въ жмуркахъ съ большимъ городкомъ обыкновенно дѣлятся на пары, и если покидали одного, то и другой идетъ жмурить. Игра въ томъ только и состоитъ, что жмурять, прячутся и *кицаютъ*.

Хатні жмурки отбиваются въ *хатѣ*; стѣны хаты замѣняютъ городокъ. Если же эти жмурки устроятся подъ открытымъ небомъ, то дѣлается городокъ: *забиваемъ кілківисоченьки и обводимо мѣтузомъ, чи поясами—паче кошару чи обару зробимо*. Въ этомъ-то городкѣ должны находиться всѣ играющіе; выходъ за ограду равносильнъ покиданію.

Кто первый долженъ *жмурити*, выбираютъ слѣдующимъ образомъ: кто нибудь одинъ садится и всѣ ставятъ ему на колѣно третій палецъ правой руки, образуя такимъ образомъ звѣздочку. Когда всѣ это сдѣлаютъ, сидящій (наиболѣе старшій въ игрѣ) говоритъ слѣдующее (и съ каждымъ словомъ, своимъ пальцемъ — тоже третьимъ — прикасается къ пальцу каждого по порядку (*): *дзень передзень коти котудзѣй, коні купувавъ, ноги покувавъ срібломъ, злѣтомъ підъ копѣтомъ — бразь! великодний князь; кісточки, п'явочки, чикъ?* На чьемъ пальцѣ придется *чикъ*, тому завязываютъ глаза и онъ, значитъ, жмурить. Въмѣсто этихъ словъ иногда считаютъ до десяти слѣдующими словами: *единой, другоной, трійца, лойца, п'яданъ, ладанъ, сукнамъ, бѣжнамъ, деревенъ, декусъ* (**). На чьемъ пальцѣ придется *декусъ*, тотъ жмурить.

Когда завяжутъ глаза, то приводятъ его къ дверямъ, если играютъ въ хатѣ; если же на дворѣ, то къ какому-нибудь колышку, и между приведшимъ и жмуримымъ идетъ слѣдующій разговоръ:

Приведшій: Панасъ-Панасъ! на чімъ ти стоїшь?

Жмур. На шпилькахъ, на голкахъ, у червонихъ чобіткахъ.

Прив. Хтожъ тобі купивъ?

Жмур. Панасъ.

(*) Пишу эти слова точно такъ, какъ они остались у меня въ головѣ отъ дѣтства; но никогда я не понималъ ихъ. Знаки я разставилъ только тамъ, гдѣ они слышатся въ живой рѣчи.

(**) Дальше этого счета нѣтъ.

Прив. Кінься до насъ не по... насъ (*), и затѣмъ уходить, а тотъ ощупью ловить играющихъ (навномаци). Кого поймаютъ, тому уже завязываютъ глаза, приводятъ къ порогу и говорятъ: Панасъ—Панасъ! и проч.

Что значать всѣ эти слова и рѣчи, пусть объясняютъ другіе; я обращаюсь къ гаивкамъ.

III.

Очевидно, что слово *гаівка* происходитъ отъ гай; отсюда же (?) и *гайтись* — равносильное слову *барѣтись*, медлить, но не «проводить время» и тѣмъ менѣе «терять время по-пусту», какъ говорить г. Шейковскій (вып. 1. стр. 1 и 43). «*Терять время*» по-украински — *гаїти часъ*, терять время по-пусту — *дарма* (под. дарёме, или надуринцю) *часъ гаїти*. Это первая ошибка въ «Бытѣ подолянъ», которую мы должны исправить. Далѣе — г. Шейковскій производитъ отъ одного корня слѣд. слова: *гайтись*, *гайтись*, *гаїти*, *гаівка* и *гойтись*. Едва ли справедливо, будто *гойтись* происходитъ отъ того же корня, что и всѣ эти слова. Не лучше ли, для производста слова *гойтись*, обратиться намъ къ народному языку и остановить вниманіе на словѣ *гій* (и *гой* — то же самое, только новѣйшей формациі). Склоняется это слово: *гой*, *гоєві* (*гоєви*) и т. д. і переходитъ въ о. Въ настоящее время чаще употребляется *гой*: «якій же *гой*!» говорятъ простаку, — или «*идіи цюді дою*!» говорятъ тому, кто боится подступить — вообще *гой* значить почти тоже, что *бевзъ*, на подоли неупотребляемое. Слово *гій* употребляется только въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «*гій на тебе!*» «*гій на твою голову!*» Эти выраженія — оскорбительны, и младшій старшему не говоритъ: *гій* и пр. Въ большей части случаевъ къ той и другой фразѣ прибавляется еще — *скажѣний* (**), или *навѣсній*. Смягченный смыслъ той и другой фразы можно выразить словомъ *схланяньс*,

(*) Пропущенное слово можно замѣнить русскимъ *не обезсѣвъ*.

(**) Я не имѣю возможности сравнить между собою слова *гій* или *гой* и *гой*, встречающіяся въ сѣверно-русскихъ памятникахъ, и *изгой*. Но они должны имѣть что-то общее.

или *гаму́йся* — опомнись, не сумашествуй. Употребительна также и слѣдующая фраза: ...*нима го́я въ голо́ві* — тоже, что по польски: *on ma fika w głowie*. Какъ бы то ни было, по словомъ *гой*, *гий* выражаютъ больного, положимъ, что и душевно. Нельзя ли думать, что того же го́я посылали и на раны, чтобъ *заго́ивъ*, — какъ посылаютъ его на головы сумашествующихъ? Если это такъ, то очевидно, что слово *го́итись* и *хвостомъ не обернулось до га́йвокъ* и *гаю*. Если и носили больныхъ въ гай, если и теперь носятъ, то это едвали значитъ, что больныхъ исцѣляетъ гай; но, вѣроятно, духъ обитающій въ гаю имѣлъ такую силу. Если допустимъ, что слово *гой*, *гий* дало начало слову *го́ити*, *го́итись*, а это кажется, не сомнѣнно, то можно допустить, что такой исцѣлитель былъ *гой* или *гий*, но не гай. Мысль о пребываніи духа-исцѣлителя въ гаяхъ могло породить и то обстоятельство, что цѣлебныя травы растутъ преимущественно въ гаяхъ; но кто же сѣялъ эти травы, если не самъ исцѣлитель? — Далѣе (стр. 45) г. Шейковский говоритъ: «О сходствѣ нашихъ гаивокъ съ южно-русскими веснянками... и говорить нечего...» Съ словомъ *нашихъ* мы соединяемъ ту мысль, что онъ говоритъ отъ лица Подольянъ, но кого же разумѣть подъ Южно-Руссами? ужели Подоль не относится къ южной Руси?... Подоль вѣдь юнѣе Кіева, а въ Кіевѣ поются веснянки. Но Подольяне не Бѣлорусы, и не Поляки, а тѣ же Украинцы, что и въ Гетманщинѣ, и въ Запорожьѣ, и въ собственной Украинѣ, всѣ они называются Южно-Руссами... Куда же относить г. Шейковский Подольянъ?

Въ описаніи гаивокъ, г. Шейковский мало или вовсе не даетъ понятія объ обрядовой сторонѣ нѣкоторыхъ гаивокъ. Возьмемъ напр. 12-ю: *кривій танецъ*. Все, что г. Шейковский говоритъ объ этой гаивкѣ, состоитъ въ слѣдующемъ: «Это гаивка одноключевая и самая извѣстная, такъ-что вошла даже въ пословицу» (стр. 28). Между тѣмъ, по своей оригинальности, *кривій танецъ* имѣетъ право на подробное описаніе. Изъ всѣхъ гаивокъ только эта нуждается въ городкѣ и играющія дѣвчата (иногда участвуютъ и молоденькія женщины) прежде всего устрояютъ *городокъ*, обозначая его тремя камнями или тремя колышками. Если проведемъ прямыя линіи отъ одного камня къ другому и третьему, то получимъ тупой уголъ. Длина сторонъ его зависить отъ числа играющихъ. Потомъ играющія берутся за руки, составляютъ цѣльный ключъ и ходятъ возлѣ этого городка, припѣвая:

А въ кривого танца и пр...

Не могу оставить безъ вниманія еще того, что г. Шейковский относитъ гаивки къ двумъ культамъ — именно — къ эпохѣ «боготворенія лѣсовъ и рощей, (стр. 41) и видитъ въ нихъ слѣды некромантического культа» (42). Съ мнѣніемъ о некромантизмѣ въ гаивкахъ мы рѣшительно не согласны. Не касаясь мнѣнія о сходствѣ гаивокъ съ ро-салками, мы скажемъ, что доказательствомъ некромантизма въ гаивкахъ не можетъ служить то, что онѣ «отправляются только на цвинтарѣ.»

Словомъ *цвинтаръ* на Подоли означаютъ мѣсто въ церковной оградѣ и кладбище. Православныя кладбища у Подолянъ заведены отдѣльно отъ цвинтаря, сравнительно въ недавнее время; до тѣхъ же поръ Подоляне погребали своихъ мертвецовъ въ церковной оградѣ — на *цвинтарі*.—Но не исключительно «на цвинтарі», а иногда въ церкви, иногда въ саду, подъ любимымъ деревомъ, иногда и просто на полѣ. Такія могилы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно видѣть и теперь, равнымъ образомъ какъ въ большей части селъ нѣтъ *старыхъ* кладбищъ, а только новыя; что очевидно доказываетъ недавность обычая хоронить покойниковъ на кладбищѣ. Но это ничего не говоритъ въ пользу некромантизма, такъ какъ названіе кладбища цвинтаремъ произошло случайно, а для означенія мѣста погребенія умершихъ существуютъ ему только свойственныя имена,—именно: *могилки, гробки; жидівське окопище* или *окописько, турецьке кладовище* или *кладовисько*. Употребляется еще—*гробовище* для означенія православнаго кладбища—и самое слово *кладбище*. Если бы *цвинтаремъ* называлось мѣсто погребенія правильно, то всякое мѣсто, на которомъ погребаютъ или погребали, носило бы такое же названіе;—чего мы не видимъ. Но ни однимъ изъ именъ, присвоенныхъ кладбищамъ, не называется *цвинтаръ*, напротивъ очень часто можно слышать, что *въ давнину гробовище* (и т. п.) *було на цвинтарі*. Такое раздѣленіе именъ указываетъ и различіе понятій, ими выражаемыхъ. Слѣдовательно, повторимъ, слово *цвинтаръ* ничего не говоритъ въ пользу некромантизма.

Какъ не говорить въ пользу некромантизма слово, такъ не говорить въ пользу его и мѣсто. Хотя гаивки поются только въ церковной оградѣ, гдѣ погребались мертвыя тѣла; но не это ссывало на *цвинтаръ* пѣть гаивки,—праздновать Великдень. Если бы мы имѣли возможность узнать, разсмотрѣть празднованіе Великодня въ ту

пору, когда еще мертвых не погребали *на цвинтарі*, т. е. въ церковной оградѣ, — то нѣтъ сомнѣнія, что увидѣли бы гайвки въ числѣ празднованій, такъ какъ Великдень есть праздникъ весны. Чтѣ же тогда сзывало на цвинтарь? Весна, мы должны отвѣтить. Слѣдовательно, она же была причиною пѣнія гайвокъ *на цвинтарі* и тогда, когда у церкви стали погребать. Обычай остался и послѣ того, когда перестали погребать покойниковъ *на цвинтарі*, потому — что не имѣлъ никакой связи съ похоронами, съ гробами. Производство слова отъ *gai* подтверждаетъ это же мнѣніе; ибо мы знаемъ, что славяне мертвыхъ сожигали и ставили *на роздорѣжахъ*, но не знаемъ, чтобы они выносили ихъ въ гай. Можетъ быть, была и такая пора, но гайвка новѣе ея, какъ увидимъ изъ значенія ихъ въ годовомъ циклѣ празднованій, и относятся къ порѣ обожанія силъ природы.

Еслибы гайвки относились къ некромаantikъ, то очевидно имѣли бы связь съ *проводами*. Но провода не имѣютъ никакого сходства съ гайвками: на провода пьютъ, ѣдятъ, ладанъ курятъ, а на Великдень, на цвинтарі, не пьютъ, не ѣдятъ, не курятъ; на проводахъ нѣтъ никакихъ игръ, на Великдень игры, куда ни глянь — и т. д. Далѣе провода совершаютъ на кладбищѣ, а Великдень празднуется въ церковной оградѣ. Если посмотримъ на цвинтарь, какъ на мѣсто погребенія мертвыхъ, то увидимъ, что провода праздновали *на цвинтарі*: и теперь первая *ѹта*, первая чарка за *упокѣй дуиъ помершихъ*, выпивается *на цвинтарі* (въ дзвиніці); тамъ же, въ колокольнѣ, выпиваютъ и послѣднюю *провідниѹ чѣрку*; но нѣтъ никакихъ признаковъ гайвокъ на кладбищѣ. Отсюда слѣдуетъ, что провода были связаны съ цвинтаремъ, какъ мѣстомъ погребенія и до тѣхъ поръ совершались исключительно на цвинтарѣ, пока *на цвинтарі* погребали. Но какъ только стали погребать на кладбищѣ, то и провода переведены туда же. Отчего же гайвки не потянулись за проводами, если и онѣ, какъ провода, относятся къ некромантическому культу? Если бы онѣ хоть *чѹточку* вязались съ *цвинтаремъ*, какъ мѣстомъ погребенія мертвыхъ, то непременно, *бодай чѹточку*, привязались бы къ кладбищу, хоть на столько, насколько провода остались *на цвинтарі*, въ память прежняго значенія его. Но этого нѣтъ, а потому нѣтъ и въ гайвкахъ *слѣдовъ некромантическаго культа*.

На этомъ можно бы и покончить рѣчь о Великднѣ; въ *бытѣ Подолья* о немъ больше не говорится. Но какъ мы обѣщали, въ

началъ этой статьи, указать мѣсто Великодня въ годовомъ циклѣ празднованій, то и должны обозрѣть весь годовой кругъ празднованій. При этомъ само собою откроется и то мѣсто, которое Великдень, по характеру своему, занимаетъ въ году. Начнемъ съ самого Великодня.

Такъ-какъ мужскія игры не имѣютъ словъ, и физиономія ихъ неопредѣлена, то, оставивъ эти игры въ сторонѣ, займемся гайвками. Внутренній смыслъ ихъ еще болѣе докажетъ, что онѣ не относятся къ некромантическому культу.

Уже было говорено объ обычаѣ *відавати колодки*, о связи Великодня съ колодіемъ. Тогда мы сказали, что *колодій былъ заключительнымъ праздникомъ любви, а весна—начальнымъ*, и, говоря это, сослались на содержаніе «нѣкоторыхъ гайвокъ.» Эти-то нѣкоторыя гайвки и отнесемъ къ первому отдѣлу ихъ. Всѣхъ отдѣловъ три: *первый* относится къ безбрачной жизни, *второй* воспѣваетъ темную (и свѣтлую) стороны жизни семейной для женщины; *третій* относится къ земледѣлію.

Прослѣдимъ это по гайвкамъ, напечатаннымъ въ *Быть Подолянъ*. Скажемъ предварительно, что нѣтъ доказательствъ въ пользу первоначальной полноты извѣстныхъ теперь гайвокъ, что они подверглись порчѣ. Это доказываютъ слова, вставленные въ гайвки уже послѣ крещенія: *Исусъ Христосъ, церква* и др. Гайвки съ примѣсью христіанскихъ понятій оставимъ въ сторонѣ.

По порядку изложенія, въ *Быть Подолянъ*, первой по нашей мысли будетъ:

3 Горішокъ (стр. 13—14):

Війся, горішку, въ два стручки,
Зароді, Бóже, чотирі,
Шобъ ся парубкі женили,
Та насъ на висілля просіли.

Цѣль-то едвали такова! Какимъ образомъ съ урожаемъ гороху соединена женитьба парубковъ, рѣшить трудно; развѣ предположимъ, что было время, когда предки наши не знали другого збóжа, кромѣ гороха. Въ такомъ случаѣ очень легко объяснить, почему парубки могли жениться подлѣ условіемъ урожая гороха: *а чимъ жінку гудувати?*

Гречаної половині
 Не захоче їсти,
 А ячмінна зъ остюками —
 Б'уде въ з'уби лізти.

Такъ поется въ *коломиїці*.

Четвертая гаївка, в'іроятно, безъ конца. Пятую, *Явірз* (Яворикъ, стр. 15) должно признать также неоконченною. Но потому, що въ ней есть, ее можно причислить къ первому отдѣлу. Вотъ она, безъ прип'ѣва.

Коло млина—мли́на ⁽¹⁾,
 Тамъ дівчина ходила,
 Ажъ тамъ ⁽²⁾ вийшло
 Три місяці яснихъ —
 Три парубкі краснихъ;
 Ажъ тамъ вийшло
 Три зіроньки яснихъ—
 Три дівчині краснихъ... ⁽³⁾

Т'ямъ оканчується эта гаївка. Но мы спросимъ: чтожь дальше? Отсутствие отвѣта наводитъ на мысль, что она безъ конца.

Шестая гаївка, равно какъ и тринадцатая, сатирическія противъ парубковъ; но сатира молода и отзывается грубостію. Впрочемъ шестая гаївка въ такомъ видѣ, какъ она напечатана г. Шейковскимъ, поется рѣдко, а большею частію измѣняется — и именно въ слѣдующемъ:

Кілько въ решеті водіці,
 Тілько парубк'амъ *правдіці* (изм. кривдіці)
 Кілько въ решеті дірочокъ (или дюрочокъ) ⁽⁴⁾
 Тілько парубк'амъ *болячокъ* (изм. сорочокъ).

⁽¹⁾ Я слышалъ: *Коло млина каліна*.

⁽²⁾ т. е. *послѣ*, такъ и говорятъ на Подоли, преимущественно — въ повѣствованіяхъ.

⁽³⁾ Слич. Полт. губ. Вѣд. 1861 г. № 23 — Стояла тополя и пр. стр. 187.

⁽⁴⁾ Я бывалъ въ с. Шарапоновкѣ, но не слышалъ, чтобы тамъ говорили дзюрка, какъ пишутъ г. Шейковскій. Это отзывается Бѣлоруссией или Польшею, но украинскаго ничего въ себѣ не имѣетъ. Возлѣ самага Каменца, гдѣ живутъ *виштякі*, гдѣ наша народность сильно пострадала подѣ вліяніемъ Польши, какъ въ гетманщинѣ подѣ вліяніемъ *москалімихъ* дворянъ, тамъ только

Поминають и болячки, но, сколько я слышалъ, въ томъ только случаѣ, если поминають пановъ или въ хороводѣ участвуетъ *bôidivka*.—Эту гавку также должно отнести къ первому отдѣлу, такъ какъ въ ней представлены только *парубки* и *dievčata*.

Въ седмой—(Заінько, а не заізіѡк, какъ пишетъ г. Шейковскій) подъ именемъ заінька представляется, очевидно, дѣвушка въ какихъ-то трудныхъ обстоятельствахъ:

«А—ні тобі, заїньку,

А—ні віскочити;

А—ні тобі, заїньку,

А—ні віглянути!»

Быть-можетъ, это—затворничество женщинъ, или послѣдствіе ревности. Въ этомъ случаѣ:

« Заїньку! обернися,

Кого любишь, обіймися » —

будеть наставленіємъ презирать свое непріятное положеніе и жить по влеченію любви. Но, вѣроятно, здѣсь представлена обыкновенная дѣвчина, влюбленная; она тужитъ, что немѣсть возможности *ні вискочити* до милаго, *а ні вишлянути*; а не видитъ, что милый тутъ же, — что стоитъ только *оберну́тись*, чтобы *обня́тись*. Поэтому, только эта гайвка относится къ первому отдѣлу.

Первый стих: *Зачинку! за головоньку!*.. выражение самой сильной печали, величайшего горя. Когда поют его, это еще разительнее, вы видите, что *зачинку* хватается обими руками за голову, на ваше ожидание раздается вольным *crescendo* каждый стих:

А—ні тобі, заїньку,

А—ні віскочити;

А—ні тобі, заінку,

А—ні віглянути!»

Неоценимая свобода! о тебѣ такъ горюють.

это, пожалуй, и можно слышать. Нескѣдowało такихъ словъ навязывать Подолянамъ вообще. Вообще языкъ въ Быгѣ Подолянъ до крайности *перечищенъ* г. Шейковскимъ: онъ хотѣлъ подвести языкъ подъ выдуманные имъ законы ассимиляціи звуковъ въ языкѣ Подолянъ.

Ой ти, зайчику—бідолайчику!
 Та поплінь—поплінь по Дунайчику.
 Розчесі росу—косу,
 Пригладь чорні брови;
 Возьміся по—під пашки,
 Шукай собі товаришки.

9) Шумъ (стр. 21).

Въ этой гаївкѣ представлено положеніе дѣвушки, мать которой пьянствуетъ: *дочці шуба треба*, а мать, *що наловила (рѣби), то й пропіла*» и только утѣшаетъ дочку обѣщаніями:

Почкай, говорить, доню до суботи,

Буде шуба и чоботи.»

«Субота минае,

А чобіть не має.»

— Почкай, говорить, доню, до вівірка

Буде шуба и сівірка. —

Мнѣ какъ будто помнится еще двустишіе изъ этой гаївки:

Мишувъ вівіорокъ,

Минѣ и сорокъ...

Эту гаївку мы отнесемъ тоже къ первому отдѣлу. Слово — *Шумъ* можетъ быть прозвищемъ *гультай*, который

...не робе, тільки пье,

Прийде до дому — жінку бє.

Пьяные поднимаютъ шумъ въ семьѣ. Есть стихъ въ народной пѣснѣ:
Ой у шума зелѣная шуба. Шубы, покрытыя сукномъ или чѣмъ-либо другимъ зеленого цвѣта, и теперь можно видѣть на старикахъ мѣщанахъ и шляхтичахъ.

Отъ одной гаївки, не знаю подъ какимъ именемъ она извѣстна, у меня осталось въ памяти слѣдующее двустишіе:

Ой дівки, якъ квітки!

Женітеся, парубки!...

На рубежѣ между первымъ и вторымъ отдѣломъ стоитъ гаївка *Жельманъ*.

Объ этой гайвкѣ г. Шейковскій говоритъ: «Преданіе гласитъ, что во время уніи Жельманъ — жидъ взялъ, въ арендное владѣніе, церкви. Когда онъ на великдень не хотѣлъ отворить ихъ, его стали упрашивать и будто бы съ этихъ поръ сохранилась пѣсня» (стр. 34—35). Не можетъ статься, чтобы Подоляне, между которыми разыгрались двѣ послѣднія драмы нашей исторіи—*різаніна* (харківщина) и *колівщина* (колівщина), стали воспѣвать *орендаря*—и еще возлѣ церкви и на Великдень. Здѣсь двѣ невозможности: украинская — народная и религіозная. Жельманъ былъ не еврей, а кто-то другой. Не укажетъ ли намъ этого самая гайвка?

Жельманъ—*гайвка* двуключевая: одинъ ключъ сидитъ, накрывши чѣмъ попало одну *дѣвчину*, которая лежитъ или наклонится къ землѣ; другой подходитъ къ нему и начинается пѣть. Г. Шейковскій говоритъ, что сидящій ключъ представляетъ собою семейство Жельмана, а дѣвушка, «у которой закрываютъ лице (не лице) платкомъ, представляетъ собою панну Жельманъ.» (стр. 35). Это объясненіе не можетъ быть принято даже и тогда, если согласиться, что эта гайвка относится къ временамъ уніи, потому что 1) въ такомъ случаѣ, для чего паниѣ прятаться? 2) Если бы дѣвушка представляла собою дочь Жельмана, то звалась бы Жельманівна, а не панна Жельманъ. Такое выраженіе совершенно не въ духѣ украинскаго языка. 3) Если бы Жельманъ былъ еврей, то звался бы Зельманъ, а не Жельманъ. Итакъ—Жельманъ не еврей, а дѣвушка—и пр. не его дочь и не еврейка. Но кто жъ они?

Извѣстно, что хоробыды представляютъ начала сценическаго искусства; потому и въ Жельманѣ первый ключъ играетъ одну роль, а второй другую. Первый ключъ привѣтствуетъ (напишемъ такъ, какъ въ *Быть Подолянъ*):

Помогай—Бігъ, Жельманъ,
Помогай—Бігъ, ёго братъ,
Помогай—Бігъ, Жельманова
И братова и вся Жельмановы родіна.

Второй ключъ отвѣчаетъ на это привѣтствіе:

Богдай здоровъ Жельманъ,
Богдай здоровъ, ёго братъ,

Богдай здоровъ, Жельманова

И братова зъ вишѣткова (1) родинове.

И затѣмъ спрашиваютъ:

За чимъ—за чимъ, Жельманъ?

За чимъ—за чимъ, Жельманова?

За чимъ—за чимъ, и пр...

По мѣсту знаковъ препинанія, должно заключать, что г. Шейковский принималъ звательный падежъ всѣхъ слѣдующихъ словъ: *Жельманъ, ёго братъ, Жельманова и братова и вся родина*. Но это не звательный падежъ, и по формѣ и по смыслу.

На вопросъ сидящаго ключа: *за чимъ—за чимъ* и пр., пришедшій отвѣчаетъ: *за пѣнною*. Спросимъ еще отъ себя: кто пришелъ *за пѣнною*? На нашъ вопросъ отвѣчаетъ самъ пришедшій ключъ Онъ поетъ:

За пѣнною Жельманъ,

За пѣнною ёго братъ,

За пѣнною Жельманова (а не Жельмановы)

И братова (а не братовы) зъ вишѣткова родинове. (2)

Итакъ, Жельманъ былъ въ приходящемъ ключѣ — не одинъ, но и Жельманова — его жена и пр. Если же приходилъ Жельманъ и Жельманова и пр., то есть — если первый ключъ игралъ роль Жельмана и пр..., что очевидно, то онъ, привѣтствуя сидящихъ, не могъ видѣть въ нихъ себя — а потому и въ его рѣчи надо видѣть не *обращеніе*, выражаемое звательнымъ падежемъ, но простое повѣствованіе. Сценическое искусство здѣсь еще въ младенчествѣ: пришедшій ключъ, представляя собою семейство Жельмана, самъ и рассказываетъ, кто пришелъ, кто привѣтствуетъ. Первые слова его представляютъ простой рассказъ и должны быть понимаемы такъ:

Помогай Бигъ (каже) Жельманъ,

Помогай Бигъ (каже) Жельманова и пр.

(1) Окончаніе *овъ* есть стар. *юсъ* и въ Винницкомъ уѣздѣ эти слова произносили бы такъ: зъ вишѣткова родинове — т. е. въ первомъ случаѣ юсъ простой (а), а во второмъ — йотированный (ја). *Вишѣтка* вм. *еся* — очевидно, полонизмъ.

(2) Г. Шейковский въ этомъ мѣстѣ не точно передалъ гаивку. Я слышалъ, что ее поютъ именно такъ, какъ я здѣсь пишу.

Возстаповимъ же эту гайвку въ первоначальномъ ея смыслѣ:

Прих. ключъ: Помогай—Бігъ—Жельманъ,

Помогай—Бігъ—ёго братъ,

Помогай Бігъ—Жельманова

И братова и вся Жельманова родина.

Сид. ключъ: Богдай—здоровъ (т. е. бувъ) Жельманъ,

Богдай—здоровъ ёго братъ,

Богдай—здоровъ Жельманова

И братова зъ виштковъ родиновъ. и пр.

Предложенный выше вопросъ: кто былъ Жельманъ и панна?—начинаетъ уясняться: мы видимъ, что Жельманъ былъ кто-то пришедшій за панною. Если мы рѣшимъ, для чего Жельманъ пришелъ за панною, то рѣшимъ и кто онъ былъ самъ, и кто была та панна, за которою онъ пришелъ.

За панною могутъ приходять *старости*, для сватанья.

На Подоли, (не знаю, такъ-ли и въ другихъ мѣстахъ), когда приходятъ *старости*, то *відданиця* (разумѣется, въ простомъ народѣ) прячется *на пичъ*. Но это теперь, когда есть печь; а въ то время, когда предки наши жили *въ будахъ* ⁽⁵⁾—когда, стало-быть, печи не было, куда она пряталась? Кто поспорить, что ее не прикрывали чѣмъ-попало, какъ это и теперь представляется въ гайкѣ? Очевидно, не блестящая будущность предстояла *відданиці*, если она пряталась. Прикрывая свою дочь, родители хотѣли добра для своей дочери. Въ гайкѣ видно, какъ родители допрашиваютъ пришедшаго: *на який ґрунтъ?* (чѣмъ ты будешь жить?

— Я, говоритъ, *на жидівскій ґрунтъ* беру ее.

— *Ми панни не маємо, на такий ґрунтъ не даємо.*

Итакъ — *дівчина* — это панна *відданиця*, а Жельманъ — *вірьянь* — *сватъ* зъ, женихъ. Вѣроятно же всего, эта гайвка представляетъ собою весь процессъ выхода замужъ *дівчини*, — отъ прихода съ *хлібомъ* и оканчивая *шлюбомъ*.

Для объясненія имени *Жельманъ*, представляемъ свою догадку. Можно, въ нашемъ языкѣ, найти много словъ гдѣ передъ м стоитъ *ль*—напр. *гальмъ*—недостатокъ. Это слово я слышалъ въ слѣдующей фразѣ на ярмаркѣ: *а нічого собі шканіна, — безъ гальма*;

(5) На это указываетъ уцѣлвшее слово *буда* и дальше *будувати, будинокъ, будівля, забудинки*.

нізачо знатиъ. *Гальмó*, слѣд., происходитъ отъ корня ган, и слѣдовало бы сказать — ганьмó, но *нъ* перешло, — смягчилось въ *ль* и вышло гальмó. По этому соображенію, слово Жельманъ — будетъ женьманъ. Извѣстно, что *ь* соответствуетъ звуку *е* — итакъ будетъ — Женеманъ — т. е. слово сложное изъ двухъ — *жена* и *манá*, манить, выманивать. Слѣдовательно, слово жельманъ означаетъ выманивающий жену. Смыслъ гаивки подтверждаетъ это значеніе слова: Жельманъ то такой, то иной *груить* сулить, — очевидно — обманываетъ. Итакъ *Жельманъ* — имя нарицательное — можетъ быть даже, общее, какъ теперь *сватáчъ*. И при теперешнихъ *сватаняхъ* стараются обманывать. Для этого употребляютъ даже *підбрéхаха*.

Иного значенія этой гаивкѣ и дать нельзя, потому самому что она гаивка.

Кострубонько (стр. 23)

Если эта гаивка имѣетъ мѣстическое значеніе, то для объясненія ея не пригодится ли слѣдующая *оповідка*:

Ишли собі втрохъ — сонце, вітеръ и морозъ, а дівчина перé шмáта:

— Здоровъ, дівчино! заговорили.

— Здоровъ, відказала вона.

И пішли далі. Та не погодятця, — кому зъ нихъ дівчина здоровлёмъ озвáлась. Сонце каже: мині; вітеръ каже: мині; морозъ каже: мині! — Треба самóй запитатись. Вернулись.

— А кому зъ насъ, небóго, ти здоровлёмъ озвáлась?

— Отóму *коштрубанéви*, — озвáлась вона, — що въ середині.

А то бувъ вітеръ.

Разсёрдилось сонце.

— Постій же! каже; — я жъ тебе спалю, якъ вийдешъ въ поле лежáти.

— Не бійсь! озвáвсь вітеръ: сонце припечé, а я повію, то й прохоло́до.

— Я жъ тебе зморозю, морозъ каже, — якъ вийдешъ на лідъ шмáти прáти.

— Не бійсь, озвáвсь вітеръ: що вартъ морозъ безъ мене!

Не будетъ ли *коштрубонько* то же самое лице, чтó и въ этой оповідкѣ *коштрубанъ* — т. е. вітеръ?

Кострубонько, по содержанію, едвали не вдовья гаивка; она кончается радостью жены, освободившейся отъ мужа. Содержаніе га-

ивки слѣдующее: въ началѣ ея представляется *дівчина* въ раскаяніи, *що Коструба не любила* и просить его приѣхать, обѣщая стать съ нимъ *до шлюбоньку*. Потомъ постепенно отъ поѣздки *въ поле сіяти* переходять къ похорону Кострубонька, поминая болѣзнь его и т. д. Кончается она слѣдующими словами:

Слава тобі, Христе цару,
Шо мій милий на цвинтарі!
Ніженькамі притоптала,
Рученьками приплескала.

Причина этой радости высказана въ самой гаївкѣ.

.....Кострубоньку!
Не лай не лай мої мамі!...

За этимъ ограничимся выпискою еще нѣсколькихъ мѣстъ изъ гаївкы.

Кому воля...

А жіночкамъ не свой воля:
Підъ порогомъ поросѣ квичить,
У печі казанъ біжить,
У колісці дитя кричить,
А на печі воркунъ ворчить.
Поросѣ каже: на годуй мене;
Окринъ каже: відсунь мене;
Дитя каже: заколиши мене;
Воркунъ каже: накрій мене.

Черезъ сѣни, черезъ хату
(А) я молоденька
Иду стихенька,
Шобъ ключами не бражчати,
Шобъ свекрухи не збудити

Нехай спить (шобъ не встала!)
Шобъ мої голівоньки не клопотала.

Ганвка, представляющая продажу дитяти, выражаетъ весь ужасъ та-кого явленія супружеской жизни: продающую проклинали, вмѣсто уплаты за дитя. Продающая хочетъ —

Симъ кіпъ
И сніпъ,
Симъ міхівъ
Горіхівъ,
Бочку води
На три годі.

Покупающая отвѣчаетъ:

А я дамъ клубокъ вѣлу,
Шобъ тобі дорогу заспувало,
Черепъ и чересло,
Шобъ тебѣ въ очеретъ занесло.

Это, впрочемъ, не поется, но говорится, и послѣднія слова говорятъ разомъ продающая и покупающая. — Очевидно, эта игра относится къ глубокой древности: слова *черепъ* теперь нѣтъ въ языкѣ и мѣсто его заняло другое — *лемінь*. —

Остановимся нѣсколько на пройденныхъ ганвкахъ. Важное значеніе семьи у Славянъ возвышалось еще болѣе, вслѣдствіе религіозныхъ вѣрованій о загробной жизни. Оставивъ въ сторонѣ историческія свидѣтельства объ этомъ, обратимся къ народу. До сихъ поръ думаютъ, что для умирающихъ *безъ дружини* нѣтъ мѣста на *тѣмъ свѣтѣ* (6), и потому похоронъ парубка нѣсколько походитъ на свадьбу: *квітки, вінокъ, хустки...* (7) Похоронъ дѣвушки въ этомъ отношеніи еще замѣчательнѣе. Кромѣ того, что умершей прикалываютъ два вѣнка и даютъ *хустки* несущимъ *короги* (процесію, образство), для нея на *той свѣтѣ* назначается женихъ. Какой-нибудь изъ парубковъ — болѣею частію любимшій покойницу, — *оббирається за молодого*: ему перевязываютъ руку (*хусткою*) и въ такомъ видѣ онъ провожаетъ покойницу *до хати*. (8) Послѣ этого въ семействѣ умершей онъ считается

(6) Не отсюда ли вѣрованіе о росѣлкахъ.

(7) Мнѣ помнится, что похоронъ парубка или *дівки* — *відданиці* называютъ *висіллею*: *давъ богъ висілля*.

(8) Хатю на Подоли называютъ иногда могилу, а домъ *куринѣмъ*. «*Хаті наші на цвинтарі*» говоритъ мнѣ крестьянинъ во Ольгон. уѣздѣ: «*а васъ прося до куриніа*».

зятємъ и въ общемъ мѣнѣнн, кажется, вдовцомъ. Что породило это вѣрованіе, рѣшать не намъ; но для насъ важно то, что на *той-світѣ* нельзя было являться *безъ дружини*. Это вѣрованіе, быть можетъ, было причиною сожженія вдовъ.

Представляя себѣ брачную жизнь дѣломъ такой важности, предки наши, очевидно, всѣми силами должны были стараться о пріисканіи *дружини*. Это стараніе до сихъ поръ замѣтно въ народныхъ празднованіяхъ. Нѣкоторые изъ этихъ празднованій одною только половиною сюда относятся, а другія и не имѣютъ иного значенія. Великдень принадлежитъ къ первымъ, — не весь, а только частію относится къ празднованіямъ, такъ-сказать, любви. Какое же именно мѣсто занимаетъ Великдень въ ряду этихъ празднованій?

Прочитавши гайвки, отнесенныя нами къ первому отдѣлу, каждый легко можетъ замѣтить, что любовь здѣсь представлена, какъ мечта, какъ желаніе. Иныя гайвки покрайней мѣрѣ выражаются ясно (*щобъ парубкѣ женілись, женітєся, парубкѣ*); но въ другихъ и того нѣтъ: *кого любишь, обіймїся*. Мнѣ помнится еще одна гайвка, въ обрядовой сторонѣ которой одна изъ играющихъ представляетъ, *якъ на милого подивїтїся, якъ коло милого стати, якъ до милого притулїтїся, якъ милого обїяти...* Но играющія словно не сочувствуютъ всему этому, будто ихъ дѣло — сторона. Въ остальныхъ празднованіяхъ оказывается не то: такъ на *Купаїла* (ночь противъ 24 іюня) уже является имя парубка и родителя дѣвицы. Въ одной пѣснѣ представлено поле, на которомъ цвѣтетъ гречиха, и тѣмъ полемъ конь бѣжитъ, а за нимъ парубокъ съ уздою, и говоритъ коню:

Чекай, коню, загнуждаю
Та поїдемъ до Дунаю —
До Дунаю водї пїти,
До Карпа дївку любити.

Какъ видно, здѣсь любовь уже ближе къ личностямъ, но все еще далека отъ опредѣленности и существуетъ только въ намѣреніи — *поїдемъ любити*. Равнымъ образомъ и существующій обычай купаться, *щобъ вїнкі спїли*, не менѣе далекъ отъ опредѣленности и лицъ. Вѣнокъ — символъ *дївованнїя*, явственнѣе указываетъ на любовь, — тѣмъ не менѣе мы не видимъ здѣсь, желаетъ ли чего дѣвица, ныря *щобъ вїнокъ спїлєвъ*, и только можемъ догадываться, что это

предназначеніє или родъ гаданья, быть ли ей молодницею, или еще ходить въ вѣнкѣ. За то на Катерини (24 ноября) и на Андрѣя (29 ноября) видимъ стремленія къ супружеской жизни, съ прямымъ указаніемъ лицъ: *чи ожениюсь я? чи віддамся я?* На Андрѣя первенствуетъ вопросъ: *хто перше* (*)? Ночь противъ Екатерины назначается собственно для гаданія мужчинъ о невѣстахъ, а ночь противъ Андрея для гаданія дѣвицъ о женихахъ. Впрочемъ, нельзя сказать, что на Катерины гадаютъ только мужчины, а на Андрея только женщины: въ томъ и другомъ празднованіи участвуютъ оба пола. Вѣроятно, въ свое время существовало и рѣзкое разграниченіе, но теперь этого нѣтъ, и только при разсказахъ о гаданіи спрашиваютъ: *а коли ворожівъ?* Если противъ Андрея, то замѣчаютъ: *проти Катерини було ворожити, а на Андрѣя дівоче грало.* Тоже самое замѣчаютъ и дѣвицамъ: *на Андрѣя було ворожити, а на Катерини—діло парубоцьке.* Вѣрованіе о вишневой вѣткѣ связываетъ праздникъ Катерини съ першимъ святимъ вечіромъ (багата кутя) «На Катерини,» разсказывала мнѣ дѣвчина, «ломимо вишневу гілку іднолітку и садимо її въ черенку, або въ пляшці, та й кладемъ на теплімъ місці, а хто має, то въ лѣху и що-дня, відъ Катерини ажъ до першого святого вечіра, поливаемъ зъ губи (изъ усть). Примічають, якъ зацвіте на св. вечірѣ, то збѣдетця на що помінила.» Скромность дівоча не дозволила ей сказать: «якъ зацвіте, то цвіте доля, — то віддається.» На Катерини до сходу-сонця наще починають плестъ вѣнокъ для першого святого вечіра (см. ниже).

На Андрея гадаютъ, сверхъ помянутаго, на слѣд. вопросы: *вдовець чи молодієць буде сѣжений? якъ єго звати?* ходятъ подслушивать разговоры и замѣчаютъ, *чи доведеться сидіти, чи ні* и т. п.

На Рождество гаданья идуть уже далѣе: «дѣвчина, котра на віддані, бире ідну лѣжку підъ пахвѣ, а другу на стілѣ кладѣ. Якъ покушає куті, то біжить на двірѣ—на те місце, де кабані шмаліли, та й слухає. Зъ якої сторони собаки загавкають, съ тої будуть старості. Якъ вертається до хати, то дивиться въ вікно крізь верхню шибку. Кажуть, дастьца бачити сѣжений, що сидить за столѣмъ и киває на ню лѣж-

(*) Вспомнимъ бабабушки.

кою.» Подобное гаданье есть и на Андрея: «якъ повечерають, якъ міски заберуть зъ стіла, дівка бирé скатерку зъ ложкѣми, стає на сіннімъ порозі и три рази торокхоче ложкѣми. Зъ яко́го боку озвѣтця собаки, съ того бѣде сѣужений.» Но въ колядахъ *хлопці* и *дівчата* представляются уже имѣющими пару. Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ колядокъ:

Молодцієвѣ.

1.

Въ славнімъ селі, въ багатімъ дворі,

Ой дай Боже!

Тамъ пьють молодці все добірні,

Ой дай Боже! (*)

Міже ними есть грѣшний молодѣць

Грѣшний молодѣць» Н хлопець.

Посилає вінъ *вірѣ* явірѣ (1) за дівку.

Вона до ёго все листи пише:

«Грѣшний молодче! не томі коней —

Не томі коней, не турбуй людей;

Тамъ я до тебе сама прибуду.» —

Подемъ ишла, якъ чорна хмара;

Въ село ввійшла, якъ дробень дощикъ;

У сѣни ввійшла, якъ зорá зійшла;

До хати ввійшла, якъ паняночка.

Ёго ненька ажъ ся зъуміла:

Що мині Богъ давъ за паняночку? —

За поняночку, за невісточку!

По воду пішла, вина принесла;

По вогонь пішла, злота принесла—и пр.

2.

А въ неділю рано-пораненько,

Ой дай Боже!

А загадали всімъ на війну йти: (**)

(*) Припѣвается за каждымъ стихомъ.

(1) Не *вір'яна* ли?—Ред.

(**) Ой заказано да й загадано (или зарадано).

Увсімъ молодцямъ на війну йти.

«Хто сїна має, най висїлає,
 А хто не має, нехай наймає.»
 Вдовá сїна мала, то й висїлала,
 Якъ висїлала, то й научала:
 Не їдь, сїнку, попередъ вїська,
 Алї їдь, сїнку, позадъ вїська.
 А вінъ не слухавъ, впередъ поїхавъ.
 Король питає: чий-то синъ грає? —
 Вінъ конемъ повернувъ, вїсько навернувъ:
 «Та рушай, вїсько, підъ Бендеръ місто.»
 Вїсько рушає, зъ гарматъ стрїляє,
 Ажъ чотїрі печі росипаєтця, —
 Татарський городаръ издигаєтця, —
 Міщане ходя, радоньку рада:
 Що цьому дитяті подарувати.
 Вїнесли їмъ срібла, золота.
 А вінъ на тее не подивився,
 Шапочки не знявъ и не вклонився;
 Конемъ повернувъ, хусткою махнувъ —
 Хусткою махнувъ, вїсько навернувъ:
 »А рушай, вїсько, підъ Бендеръ місто!«
 Вїсько рушає зъ гарматъ стрїляє и пр., какъ и выше.

Только послѣ рады, кушці

Вївели їмъ коня вороного.
 А вінъ на тее не подивився,
 Шапочки не знявъ и не вклонився;
 Конемъ повернувъ, шаблею махнувъ —
 Шаблею махнувъ, на вїсько гукнувъ:
 «А рушай, вїсько, підъ Бендеръ місто!»
 Вїсько рушає и пр. какъ и выше. Только здѣсь уже:
 Старшина хode, радоньку раде:
 Що цьому дитяті подарувати.
 Вївели емъ панну вь параді.
 А вінъ на цее та й подивився,
 Шапочку знявъ, низько вклонився, и пр.

3.

Ой рано-рано кўри зашїли —

Ой дай Боже!

А ще раньше вставъ грѣшний молодѣць —

Грѣшний молодѣць, Н хлопець —

Ой уставъ-уставъ, три свѣчки всукавъ:

При ідні свѣчі ліченько вливавъ,

При другі свѣчі коника сідлавъ,

При треті свѣчі брата пробуджавъ:

« Вставайте, братя, коні сідлайте —

Коні сідлайте, хортівъ скликайте,

Та поїдмо на полюваня:

Ой бо я назнавъ кунку въ дѣреві —

Кунку въ дѣреві, панну въ теремі.

А кому буде кунка на шубу,

А мині буде панна до шлюбу.

Відъ цего слова бувай же здоровъ —

Та не самъ собою, зъ отцѣмъ—зъ ненькою—

Зъ отцѣмъ — зъ ненькою и съ челядкою —

И съ челядкою, и съ колядкою,

Зо всіма нами-приятелями. (*)

Дівці.

У чистімъ полі покрай дороги,

Ой дай, Боже!

Тамъ грѣшна панна пшеницю жала;

Ой жала жала, не спочивала;

За нею сніпки въ чотирі радки.

Прийшло-жъ до неї ажъ три вір'яни:

« Ой ви-вір'яни! ви, голубята!

Не беріть менѣ изъ поля, зъ ниви,

Возьмете менѣ у батька зъ двора

У батька зъ двора, зъ хати з-за столá.

Відъ цего слова бувай здорова, и пр.

Къ тому времени, значить, когда мы празднуемъ Рождество Христова, парубки и дѣвицы въ древности имѣли уже въ виду пары для

(*) Такъ оканчивается и всякая другая молодецька коляда и всякая дівоча съ необходимою перемѣною для смысла,

себя, чтобы побрататься, когда наступит мѣсяц Просинець. Но, очевидно, не всѣмъ это удавалось. Оттого и остался еще одинъ день для гаданій о женихахъ и невѣстахъ. Это новый годъ—и собственно ночь противъ нов. года. Въ это время можно гадать тому и другому полу безъ различія. Гадающіе сидятъ за зеркаломъ, думая увидѣть въ немъ *дѣлю*. Также зовутъ суженаго крикомъ въ трубу: «сѣдѣний нерозгуженій! йди до мене вечерати.» Думаютъ, что сидѣнье передъ зеркаломъ можетъ окончиться смертью. Только крайность можетъ вызвать такія рискованныя гаданья. Это наводитъ на мысль, что нынѣшній новый годъ былъ послѣднимъ временемъ гаданій и быть можетъ оканчивалъ собою пору еватовства, а покрайней мѣрѣ былъ недалекъ отъ этого. И въ самомъ дѣлѣ, за новымъ годомъ слѣдуетъ уже *Колодѣй*, когда, какъ мы видѣли, уже вяжутъ *колодки*, оставшимся безъ пары, какъ бы въ наказаніе за оплошность. Кто знаетъ, что означала въ свое время колодка? Быть можетъ, съ этимъ соединялось лишеніе какихъ-либо правъ, а можетъ быть это дѣлалось просто для того, да будетъ стыдно. Во всякомъ случаѣ, привязанная колодка не означала чести. За Колодіемъ слѣдуетъ уже Великдень.

Такимъ образомъ, въ цѣломъ году, мы не находимъ ни одного празднованія, подходящаго къ ганвкамъ перваго отдѣла, гдѣ бы любовь была выражена болѣе обще, нежели на Великдень. Поэтому мы и ставимъ Великдень начальнымъ праздникомъ по отношенію къ любви.

Какъ будто для предостереженія отъ увлеченія любовью,—въ параллель съ первымъ отдѣломъ ганвокъ, даже совмѣстно, — *пѣміш*, идутъ ганвки отнесенныя нами ко второму отдѣлу, въ которыхъ воспѣвается уже семейная жизнь и притомъ съ тайной своей стороны. Объ опытъ разбились всѣ поэтическія прикрасы, и молодіицѣ какъ-будто говорятъ дѣвицамъ-мечтательницамъ: «не спѣшите, *подізійте*! Ужели васъ прельщаютъ ежедневныя хлопоты (Кому воля)? А *свекрѣха*! Не будете ходить, какъ вамъ угодно и пріятно, но *стихѣнька*, и не только *черезъ хату*, но и *черезъ сѣни*, остерегаясь и ключами брѣзнуть. И все только потому, что *свекрѣха* спитъ (шобъ не встала!), чтобъ не разбудить ее! А пожалуй, какой-нибудь Кострубовько *лаятиме коханій матусі*. Васъ прельщаетъ *свій хлѣбъ*? Вотъ продаютъ *дитинку*! конечно не изъ роскоши. Сверхъ всего и *ки* васъ ждуть! Не спѣшите же, неопытныя, *не лізьте въ воду*, *не спитавши броду*.»

Не можетъ статься, чтобы эти ганвки составились, какъ говорит-

ся, такъ-себѣ; но можетъ быть, что онѣ относились только къ молодымъ—и, быть можетъ, еще къ тѣмъ, которые только-что разстались съ *дівованнемъ* и грустили о потерянной волѣ, о житиѣ за *мáминими плечима*. Во всякомъ случаѣ мы не будемъ къ нимъ возвращаться, ибо не знаемъ остальныхъ *бабьскіихъ святъ*, съ которыми эти гайвки могутъ имѣть связь, если онѣ *жіночи*. Въ отношеніи къ мѣсту, занимаемому Великоднемъ въ годовомъ кругѣ празднованій, гайвки второго отдѣла могутъ имѣть самостоятельное значеніе только тогда, когда онѣ составляютъ собою одно изъ *жіночихъ* празднованій. Но объ этомъ мы ничего не можемъ сказать.

Не безъ основанія поставивъ Великдень первымъ въ ряду празднованій любви, перейдемъ къ третьему отдѣлу гайвокъ—къ гайвкамъ хозяйственнымъ. Послѣ укажемъ, какое мѣсто занимаетъ Великдень и въ ряду этихъ празднованій.

Одного оглавленія гайвокъ третьяго отдѣла достаточно для того, чтобы видѣть, къ какой порѣ хозяйственныхъ работъ относится Великдень: «макъ сіяти», просо сіяти.» Пора, очевидно, сѣянья—но поздняя; время теплое, когда просо сѣютъ. *Огірочки* въ то время уже стелются—уже *ся вьютъ*, и горохъ вьется. Теперь просо сѣютъ уже тогда, когда летаютъ *хрущі*; но это всё еще весна—пора сѣянья. На Подолі, послѣ Великодня, встрѣчаемъ хозяйственный праздникъ въ Зеленыхъ святахъ, тогда какъ Гетманцы выходятъ на Юра, Подоляне ходятъ на поле съ крестнымъ ходомъ *збóже святити*. Пора, очевидно, позднѣе сѣянья. *На Кунайла*, расхватавши *шльце*, несутъ схваченное каждый на свой огородъ, *шобъ дувъ вязъ на гоіркахъ*. *На Маковія* (Маковій 1-го августа:—не Макошь ли?) уже святятъ плоды лѣтнихъ трудовъ: спѣлый макъ въ головкахъ, подсолнечники въ цвѣтахъ, морковь (корни), пастернакъ, колосья и т. п. Повѣріе про *осѣтъ* (*) указываетъ, что Маковеемъ оканчиваются *сѣгóрішні свята*: уже заботятся, *шобъ на-рікъ осетѹ не булó*, и святятъ его. Но и кромѣ осета, освященіе плодовъ свидѣтельствуетъ, что *Маковій* былъ послѣднимъ хозяйственнымъ праздникомъ. Между-тѣмъ передъ нами еще есть Різдвані святки. Вспомнимъ, что происходитъ еще и этими святками.

(*) Вѣйки, вынувши изъ воды, бросаютъ *на хату*—на крышу, «шобъ морозъ горобіни не побивъ;» послѣ снимаютъ ихъ и *варя митіть*.»

Время съ *пёршого святого вѣчіра* до *тіки-пратіки* (**)
(10 січня) на Подоли извѣстно подъ именемъ *Різдвянихъ свято́къ*.

Когда все уже готово, хата прибрана и т. д., Подоляне, впрочемъ не вездѣ, вносятъ въ хату *добрѹ вязку* соломы и разстилаютъ ее по всей комнатѣ, такъ-что земли, или полу, нигдѣ не видать. Это я видѣлъ, между-прочимъ, и въ домѣ своихъ родителей. На столѣ сыплютъ горсть проса, ставятъ нѣсколько *зубківъ* чесноку, немного отрубей (*вісівокъ*); все это накрываютъ лучшимъ, нарочно выбираемымъ, сѣномъ и потомъ столѣ накрываютъ скатертью. Такое же сѣно кладутъ и подъ столѣ. На *пóкуті* ставится снопъ *жита* или *сѹржку* колосьями вгору; иногда этотъ снопъ украшаютъ еще и обжиночнымъ вѣнкомъ. Именно этимъ начинается Святый Вечеръ, а пока въ хатѣ ничего этого нѣтъ, нѣтъ еще и свят. вечера. Все это такъ и стоитъ до *Нового року*,—у кого и долѣе. Духовенство объясняетъ этотъ обычай яслями вилеемскими, а въ народѣ эта солома извѣстна подъ именемъ *дідуха дідухъ* (см. ниже), и въ этой соломѣ дѣвицы, или кто другой, квокчуть, какъ насѣдки, *шобъ кѹри квоктали*; солому изъ того снопа, что на *пóкуті*, употребляютъ для дѣланія гнѣздъ насѣдкамъ, а зерномъ его кормятъ куръ, *шобъ добре неслися*. Во время ужина, Подоляне *ловлять роі*: хозяинъ, или кто занимаетъ его мѣсто, первый беретъ *куті* ложкою.—Подоляне начинаютъ съ куты—поздравить всѣхъ съ праздникомъ, пожелаетъ дождать *прішлого року*, съѣсть три ложки и наберетъ немного въ четвертый разъ; за этимъ разомъ набранное кидаетъ къ потолку и отскочившія зерна ловитъ обратно въ ложку; сколько поймаетъ зеренъ, столько поймаетъ роевъ. Это, кажется, дѣлаютъ только въ тѣхъ домахъ, у кого есть пасіка. Замѣчаютъ, если много куты останется у потолка, то будетъ *медный рікъ*. Кутю на Подоли приготавливаютъ не изъ ячнхъ зеренъ, какъ въ Гетманщинѣ, в изъ пшеничныхъ, нарочно отбирая лучшія зерна. Зерно это варятъ такъ, чтобы оно не розквѣло, но было цѣло. Пока зерно еще въ печкѣ, трутъ макъ, мѣшаютъ его съ медомъ, разведеннымъ теплою водою (*літепломъ*), и потомъ съ этимъ макомъ мѣшаютъ вареную пшеницу; въ такомъ видѣ она получаетъ названіе куты. Ячная кутя (изъ шѹстаного ячмѣню)

(**) Ссорная трава; ее называютъ чортовымъ растеніемъ—*чѣртовѣ зілѣ*. Не осотъ ли? см. *Очеркъ доп. жизни и правотъ Великорусскаго народа въ XVI и XVII стол.*, Костомарова, Спб. 1860. стр. 197.

на Подоли составляет родъ каши; ее называютъ *логáзою* (логáза) и ѣдятъ, когда вздумается, съ саломъ, съ молокомъ и т. д. Но на Рождество даже у крайне бѣдныхъ кутя непременно пшеничная. Г. Шейковекій смѣшалъ *кутю съ ко́ливомъ*—Это напрасно: *ко́ливо* готовится безъ маку и думаютъ, кто сколько съѣстъ зеренъ *ко́лива*, столько разъ долженъ помолиться о душѣ. Ничего подобнаго о кутѣ не думаютъ. Съ *ко́ливомъ*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, неразлучна *по́мина* (**)—особый родъ куличей съ крестами; при кутѣ этого нигдѣ нѣтъ.

Послѣ ужина въ ходу обычай *посилáти вечеру*: сыплютъ въ платокъ орѣховъ, иногда яблокъ, потомъ ставятъ три кулича или три *палáнці*, или три *книші*; завязываютъ и отсылаютъ по такой вечерѣ попу, кумамъ, крестному отцу и матери, родителямъ, и т. д. Къ куличамъ и т. п. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавляется кутя въ тарелочкѣ, или два-три вареника. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ обычай при вечерѣ посылать живую курицу. Принесшій вечеру, если онъ самъ глава семейства, говоритъ: *прóсимо на вечеру*; если же принесшій будетъ сынъ или дочь, то говоритъ: «просили тáто й нѣна (*) на вечеру, и я прóсю.» У пона, въ тотъ платокъ, въ которомъ принесли вечерю, въ замѣнъ ея, завязываютъ просфору; дѣтямъ, какъ и вездѣ, даютъ гостинца (нѣсколько грошей), а взрослымъ тутъ же бываетъ *ѹта*. Духовенство объясняетъ вечерю дарами волхвовъ, а народъ видитъ въ немъ простое засвидѣтельствованіе уваженія: *кого́ поважáемо* (или *шанѹемо*), *тóму й вечерю шлемо*.

Подолане, на першій день Різдва, готовятъ обѣдъ, а Гетьманцы нѣтъ. Но это къ намъ не относится: прежде всего мы должны обратить вниманіе на *господáрські коладкі*. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1.

Пáне господа́ру! На ва́шимъ дворѹ золоті́ крі́сла —

Ой дай, Боже!

А на тихъ крі́слахъ панóве сиді́, радо́ньку ра́да —

Ой дай, Боже!

Радо́ньку ра́да старо́сви́цькую:

(*) Подолане начинаютъ ужинъ съ куты, какъ обѣдъ на Великдень съ яйца.

(**) Отъ *помина́ть*. Я видѣлъ это въ Балтскомъ уѣздѣ.

(***) На Подоли до-сихъ-поръ не вывелось изъ употребленія это слово.

Чомъ теперъ не такъ, якъ спрѣжа було —
 Якъ спрѣжа було, якъ ся діяло?
 Батько изъ сїномъ до справи стає,
 Сестра на сестру чари готує,
 А братъ на брата мечъ виготовляє...
 Якъ жидовѣ Христѣ мучила
 Та на кудрѣвѣ (*) ой роспинала;
 Гвѣздѣми рѣчки прибѣвала,
 Увсяке древо за гнѣстѣ (***) гнало.
 Увсяке древо за гнѣстѣ не йшло,
 Проклята гѣва та й проступила:
 Съ пальця мѣзинця та й кровь пустила.
 Де кривця кѣне,—цѣрковця стѣне —
 Стѣне цѣрковця съ тромѣ верхами —
 Съ тромѣ верхами, съ тромѣ хрестѣми —
 Съ тромѣ хрестѣми, съ шѣстѣма вѣкнами.
 У першѣмъ верху дзвоникѣ дзвонѣ,
 А въ другѣмъ верху свѣчѣ палають,
 А въ третѣмъ верху службоньки правѣ.
 Службоньки правѣ за господѣра,
 Свѣчѣ палають за господѣню,
 Дзвоникѣ дзвонѣ за дѣти вѣшѣ.
 Дай же вамъ, Бѣже, здоровѣя въ вашъ двѣрь —
 Здоровѣя въ вашъ двѣрь, а щѣстѣ на-двѣрь —
 Щѣстѣ на-двѣрь на худѣбочку,
 Здоровѣя на васъ, на чѣлѣдочку —
 На худѣбочку на роговѣю,
 На чѣлѣдочку на молодѣю.
 Дай вамъ, Бѣже, въ полѣ и въ двѣрѣ —
 Въ двѣрѣ и въ полѣ, въ пасѣку, долѣ.
 Шобъ вѣша бджолѣ все меднѣ булѣ,
 У полѣ ишла, вигравѣючи,
 А съ полѣ ишла, спочивѣючи,
 Въ тѣчки вѣйшла, сѣла, спочѣла —
 Сѣла, спочѣла, весь медъ зложѣла.

(*) Кудеръ—кедръ. Говорятъ и кудиръ; кудрѣвѣй и кедрѣвѣй.

(**) Теперъ говорятъ гнѣстѣ или просто гнѣстѣ — ноготь.

Відъ цего слова бўдьте здорові
 — Бўдьте здорові, панъ-господару! (*)
 Ціі святки святкуйте здорові,
 Другихъ у Бога дождіть въ здоровлі —
 Та не самі собою, зъ дідми, зъ жонюю,
 Зъ Ийсусомъ Христомъ, съ святимъ Рожествомъ,
 Зо всіма нами-приятелми,
 Зо всімъ соборомъ и Святимъ Богомъ.

2.

Пане-господару! Ви прославились:
 Новимъ острогомъ (**) обгородились —
 Ой дай, Боже!
 Коло вашої хати чотірі сади —
 Чотірі сади все виногради —
 Ой дай, Боже!

Пане-господару! ми жъ васъ просімо —
 Ми жъ васъ просімо не прогнівайтесь:
 Ми ваші ворота повічиняємъ
 И садъ-виноградъ повиломляємъ —
 Ой садъ-виноградъ повиломляємъ,
 Райскую птицю порозганяємъ.
 Пане-господару! ми жъ бо васъ просимъ —
 Ми жъ бо васъ просимъ—не прогнівайтесь;
 Ми ваші ворота позачиняємъ
 И садъ-виноградъ попідіймаємъ —
 Ой садъ-виноградъ попідіймаємъ,
 Райскую птицю позаганяємъ
 Відъ цего слова — и пр.

3.

Пане господару! А съ твого двору —
 Ой дай, Боже!
 А съ твого двору плужокъ виходе;

(*) Такъ оканчивается всякая колыда *господарові*.

(**) Острігъ — особаго рода тытъ съ *острішкови* (стріха). Плетется онъ почти всегда *кіскою*, красивый и сравнительно не дешевъ.

Ой дай, Боже!

А за тимъ плужкомъ самъ Господь хode,

А святий Петро воли погоне,

Пресвятá Дiва

или

А Бóжа Мáти

} їмъ їсти нóсе,

Їмъ їсти нóсе, гарненько прóсе:

Ой орить, синкi, гóри й долинокi,

Бúдемъ сiяти жiто, пшеницю —

Жiто, пшеницю, всiюку пашницю;

Збиремо жiнцiвъ сiмьсотъ молодцiвъ,

А вязáлничокъ сiмьсотъ дiвочокъ.

Закладемъ стiжкi, якъ землi вширшкi —

Якъ землi вширшкi, до нéба ввишкi.

За цимъ же слóвомъ и пр...

Замбчательно, что колядки *господинi* не имѣють хозяйственного значенiя. Вотъ двѣ изъ нихъ:

1.

Въ чистiмъ подi по-край Дунаю

Ой дай, Боже!

Тамъ три святi вóду святiли —

Вóду святiли, золотий хрестъ згубiли.

Тудi ишла чéсна жонá, —

Якъ тудi ишла, и той хрестъ знайшла —

Перейшли i ажъ три святi:

»Ви, чéсна жоно-господинечко!

Ви-жъ тудi ишли, ви-жъ той хрестъ знайшли.

А вручiть же намъ золотий хрестикъ,

Бúдете мáти дорогóу заплáту —

Дорогóу заплáту: три служби-Бóжi —

Пérша слóжба за вáшого мýжа,

А дрóга слóжба за господи́нку,

А трéтя слóжба за дiтки вáшi.»

Вiдъ цего слова бúдьте здоровi,

Бúдьте здоровi, чéсна жонó —

Чéсна жонó—господинечко! и пр.

2.

Фалілась береза передь дубами

Ой дай, Боже!

Передь дубами своїми вітами.

Фалісь—не фалісь, не ти кохала:

Кохали тобі дрібні дощі.

Фалілась дівка передь дівками —

Передь дівками своїми косами.

Фалісь—не фалісь, не ти кохала;

Кохала тобі ненька старенька.

Відь цього слова и пр. —

Вечеромъ противъ Новаго года ходять *щедрувати*. Отъ этого ли вечеръ получилъ названіе *щедраго* (щедрий вечеръ), или его названіе распространено и на пѣсни того вечера (щедрівки) и на самый обычай пѣть эти пѣсни — (щедрувати)? Всѣ *щедрівки* имѣють чисто-хозяйственное значеніе. Въ одной изъ нихъ поется желаніе, чтобы господарь имѣлъ щастя до товару и

До всякого стѣтку ⁽¹⁾

Шобъ не мавъ припадку,

Якъ чашечка у медѹ,

Якъ барвінокъ у садѹ.

Одна изъ извѣстныхъ мнѣ щедрівокъ представляетъ господаря гобачемъ. Онъ

...сидить въ конецъ стола,

На нѣмъ шуба шубадѣва (соболь),

А въ тѣ шубѣ дзінькаторі, ⁽²⁾

А тѣ дзінькаторі сто червонихъ.

Утромъ на Новый годъ ходять *посівальники*: и старики и мальчики набирають всякаго зерна, большею частію, въ рукавицу, и ходять изъ дома въ домъ *посівати*. *Посіваячи*, приговаривають:

⁽¹⁾ Стѣтокъ—достатокъ. Слово *стѣтокъ* значитъ также хорошо ведущій себя, *стѣтувати*—хорошо вести себя, не быть разгульнымъ и т. п.

⁽²⁾ Портмоне (?) но не кошелекъ — *камітка*. Словомъ кошелекъ Подоляне называютъ церковный *дзвінокъ*, въ который собирають «кошельковыя деньги».

«сійся, родіся жїто, пшениця, всяка пашниця на щастя, на здоровля, на новий рікъ, щобъ уродїла краще, якъ у-торікъ.» Это зерно собирають и прячуть. «*Якъ помірѣ въ селі, это зерно сипля по вікнахъ;—ніби-то помірѣ скáže: не їдїмъ цюди; тутъ Новий Рїкъ.*»

По выходѣ изъ церкви, слуги берутъ коня, вола и барана, гдѣ есть эта худоба, украшаютъ ихъ поясами, колосьемъ, калиной, барвинкомъ и въ такомъ видѣ вводятъ въ комнату поздравить господаря съ новымъ годомъ, новымъ счастьемъ. Замѣчаютъ при этомъ *чи ну-стѣ, чи рїдкѣ* счастье будетъ. — Это я видѣлъ въ домѣ родителей.

Еще раньше—не медля по отходѣ всенощной—выходятъ въ садъ *дїдуха налити*—т. е. ту солому, что была въ комнатѣ, собираютъ, выносятъ въ садъ и тамъ зажигаютъ, *щобъ садовинї родила, щобъ осѣлля* (гусеница) *не обгїдала*. Кромѣ этого, замѣчательнѣе обычай на первый св. вечеръ: послѣ ужина одинъ кто-либо изъ мужчинъ беретъ сѣкиру (топоровъ на Подоли нѣтъ), зоветъ кого-либо съ собою въ садъ. Въ саду происходитъ слѣдующее: тотъ, что вышелъ безъ сѣкиры, садится за *перодїючою деревїною*, а тотъ, что съ сѣкирой, будто хочетъ рубить ее и *цїкне*.

— Не рубай мене! буду вже родїти, говоритъ сидящїй.

— Ні, зрубай, говоритъ второй: чомусь не родїла.—И другой разъ ударить сѣкирою.

— Не рубай! буду вже родїти!

— Ні, зрубай—такі: чомусь не родїла!—И третїй разъ ударить сѣкирою.

— Бійся Бїга! не рубай! буду родїти лїче за всіхъ.

— Гляди жь!—говоритъ тотъ и удаляется. А сидѣвшїй перевяжетъ это дерево *перевѣсломи* и также удаляется. Это происходитъ возлѣ каждого дерева, которое не родить.

Около Новаго Года вымолачиваютъ и тотъ снопъ, что стоялъ на покутѣ. Вымолоченное зерно прячуть до сѣвы, а тогда мѣшаютъ въ сѣмена. (*)

(*) Противъ Нов. Года, ночью, послѣ щедрївокъ, парубки ходятъ по домамъ зъ Миланкою. Это родъ маскарада: одинъ парубокъ одѣвается молодїцею—это Миланка, другой цыганомъ, третїй *дїдомъ* — старикомъ. Этотъ водить козу—тоже переодѣтаго парубка. Цыганъ иногда ходитъ съ медвѣдемъ (парубокъ), иногда бываетъ и лошадь. Вся эта компанїя входитъ въ комнату. Подъ окномъ перелѣ тѣмъ временемъ поютъ:

На другий св. вечірѣ (голодна кутя) поутру пекуть *підпалки*, и мажуть ихъ медомъ. Передъ ужиномъ, отецъ, или сынъ, или братъ отца идетъ, съ *підпалкомъ на обору, на кошару*—вообще между

Ой учора изъ вечера
Пасла Миланка два качури —
Пасла-пасла, загубила,
Шукуючи, заблудила,
Приблудила въ чисте поле:
Въ чистімъ полі Василь бре:
»Васильчику-чичерчику (чѣбчику, вѣроятно)!
Посію тебе въ городчику;
Буду тебе доглядати:
По тричі на-день поливати,
Що суботи проривати,
За росу-косу затикати,
До цѣрковці виражати,
Наша Миланка ложки мила,
Ложку, тарілку упустила: (*)
Ложку, тарілку доставала,
Тонкий хвартухъ замачала (или замочила):
Повій, вітре буйнєсенький,
Вісуши хвартухъ тонєсенький;
Повій, вітре, кризь ворота,
Вісуши хвартухъ краще злота;
Повій, вітре, сякъ-такъ, сякъ-такъ,
Вісуши хвартухъ, якъ макъ, якъ макъ.
Пустить Миланку — пустить до хати;
Наша Миланка змєрзла въ п'яти;
Ой у Миланки корогка світка,
Наша Миланка змєрзла въ литки.

Когда впускаютъ до хаты, тогда поочередно начинаютъ каждый свою роль, а прѣздные выманиваютъ что могутъ: *прадїва Миланци на памітку, св. Миколі на очкурз, сала и т. п.* Коза танцуетъ, а *дідз* припѣваетъ:

Ой козо-козо! козо-небого!
Поскачї жъ минї трѣхи, немного:
Дастъ панъ господарь півзолотого,
А подобріє, дастъ и другого;
А хозяйчка—мірочку грѣчки—
Наші козунї на варєпички.
Ой козо-козо! поглянь на граба!
Поглянь на граба, тамъ сидить зрада,
Яка то зрада? Старая баба.
Старая баба на печі сидить —

(*) Вм. этимъ двухъ стиховъ иногда поютъ:
Наша Миланка въ Дністрі була,
Дністрову воду-воду пила —

чистыхъ животныхъ, кропитъ тамъ св. водою, пишетъ крестъ мѣломъ на дверяхъ, на воротахъ и ѣсть *підпáлокъ*, «*щобъ не приступивъ який злий духъ, якъ ото втікають вони зъ води.*» Кормъ для скота берутъ не вилами, но руками,—по той же причинѣ.

Бѣлоруссы, вмѣсто *підпáлка*, пекутъ пирогъ съ кашею и грибами, и съ этимъ пирогомъ ходять, какъ Подоляне съ *підпáлкомъ*. Бѣлоруссы, пиша крестъ, приговариваютъ:» пирога кусни, а хреста писни.« Это дѣлается во избѣженіе несчастія.

Стрѣльба во время водоосвященія у Подолянъ, кажется, не имѣетъ значенія. Но у Бѣлоруссовъ она значитъ *волковъ разгонять*: куда два побѣгутъ, куда три, такъ и будутъ ходить цѣлый годъ.

На печі сидѣть, солóму сичé —
Солóму сичé, пироги́ печé;
А зъ нóса каптіть,
Пирогі́ мастіть.

Ой кóзо-кóзо! не огляда́йся!
На мéне-дiда не задивля́йся;
Бо вь мéне-дiда борода́ гнiда,
Борода́ гнiда, ажъ до колiна.

Ой на горі монасти́ръ,
До нéго дорiжка.
Вмiрла моя бабусенька,
Зостáлася кiзка.
А я дiдъ, а я дiдъ,
А я невелiчкий;
А я свої дзюбi-любi
Куплю черевiчки.
Черевiчки невелiчки,
Передiчки съ китáечки (2)
Закаблiuki съ кабака́ (гарбузъ)
А якъ піде́мъ до оренди́ (кóрпима).
То влáримо тропака.

А дiдъ бабci купи́въ кáнци,
Та корóткі бу́ли, товтя́въ пáльци.

Коза танцуетъ подъ тактъ.

Полученное за коляду, щедривки и Миланку, за исключеніемъ расходовъ, постунаетъ въ церковь на *братство*. Братства на Подоли до-сихъ-поръ остались. Недавно только отпята у братствъ пасіка. Также, когда отдали на откупъ свѣчную продажу, *брачниками* и *сестричками* запрещено дѣлать свѣчи въ 1859 году. Пасіки отпаты раньше.

Кто первый наберетъ св. воды такая вода *добра для насі-ки*—*кропити, якъ бджола заїдаєтця*.

Есть хозяева, которые до этого времени поятъ весь скотъ дома изъ ведеръ и теперь только начинаютъ гонять къ проруби—въ томъ убѣжденіи, что лучше онъ выдетъ изъ зимовки—*ситіиций буде-* Бѣлоруссы, на Богоявленіе, по выходѣ изъ церкви, передъ обѣдомъ, бросаютъ въ огонь кусокъ желѣза и тамъ—въ печкѣ—онъ остается цѣлый годъ, въ предохраненіе скота отъ волковъ во время ночлеговъ на полѣ.

На Ордань Подоляне собираютъ со стола сѣно и все, что было подъ сѣномъ: отруби (висівки), чеснокъ, просо. Изъ отрубей дѣлаютъ припарки, когда болитъ подъ грудью. Въ случаѣ кражи, чеснокомъ мажутъ языкъ одного изъ церковныхъ колоколовъ и такимъ образомъ звонятъ. Вѣрятъ, что если воръ слышитъ этотъ звонъ, то его Богъ выявитъ. Пресо трутъ, и когда завидятъ, что идетъ попъ съ кропиломъ, на скорую руку разводятъ эту муку водою и этою жижею пишутъ кресты на четырехъ стѣнкахъ въ комнатѣ—на каждой по одному, чтобы ихъ, еще мокрые, окропили святою водою. Эти кресты остаются на стѣнкахъ до Срѣтенія; тогда ихъ счищаютъ и прячутъ счищенное. Когда корова *не може счиститись*, то ей даютъ этихъ остатковъ креста. (Вѣрятъ, что ночью противъ Ордани вся тварь получаетъ даръ слова,—что вся вода на нѣкоторое время обращается въ вино.)

Изъ всего сказаннаго видно, что *Різдвяні Святки* отрываются отъ прошедшаго времени и имѣютъ значеніе только для будущаго. Следовательно, въ ряду хозяйственныхъ празднованій, они предшествуютъ Великодню. такимъ образомъ, Великдень есть весенній праздникъ и, въ настоящее время, второй относительно хозяйства. Последній между ними—т. е. заключительный—праздникъ есть *Маковѣя*, а первый—т. е. начальный—Різдвяні Святкі.

И такъ Великдень, по своему значенію, имѣетъ два мѣста между народными празднованіями, по двумъ сторонамъ самыхъ празднованій: въ отношеніи къ любви Великоднемъ празднованія начинаются, въ отношеніи къ хозяйству—Великдень есть продолженіе празднованій. Едва ли можетъ быть, чтобы и въ древности съ Великоднемъ совпадали два эти празднованія; вѣроятно, любовь праздновалась раньше—въ началѣ весны, а сѣвоа въ концѣ ея, когда *обсіютця*, какъ

теперь по окончаніи живъ празднуются *обжинки*, гдѣ поются пѣсни про живво.

За этии мѣ остается только пожелать, чтобы тѣ, кто имѣетъ возможность повѣрить мои слова съ дѣйствительностію, дополнили недосказанное мною и исправилъ мои ошибки. *Ziarnko do ziarnka—bezdie miarka. Курча по зѣрни клює, и то найдаетца.*

Надо сказать еще, что остатки *священнаго* закапываютъ въ землю и вѣрятъ, что на который день, послѣ перваго дня Великоднѣ, законать ихъ, черезъ столько лѣтъ на томъ мѣстѣ вырастетъ *рута*, но не *маруна*, какъ бы слѣдовало, если бы Великдень относился къ некромактикѣ. — Изъ маруны (морана?) дѣлають для покойниковъ вѣнки.

Въ нѣкоторыхъ селахъ на Подоли говорятъ еще *вириш*. Въ награду за доставленное удовольствіе, составители, или, правильнѣе, декламаторы виршей получаютъ писанки и крашанки, которыя складываютъ для нихъ въ нарочно—поставленную шапку. Вириш произносятся съ колокольни въ окно, а слушатели стоятъ на землѣ. Такихъ виршей у меня есть достаточное количество въ рукописи, очень древней. Составителями виршей почитаются *бакалары*. Имъ же приписываютъ и составленіе *нагласниковъ*. Бакаларство на Подоли существуетъ и теперь въ мизерныхъ остаткахъ; но давняго разгула школы не имѣють, и составителей виршей теперь нѣтъ: пользуются старинными. За бакаларами Подольяне жалѣють, но въ самомъ дѣлѣ они не стоятъ того; рѣдко между бакаларами встрѣчался порядочный человѣкъ: кромѣ того, что обыкновенно ничѣмъ не занимались, они еще крали птицу, дрова, *звѣдили дівчатъ* и т. п. Иначе и быть не могло; потому что ихъ было довольно много, жить было не чѣмъ. Одно, чѣмъ они приносили пользу, это—обученіе дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, съ паденіемъ бакаларовъ, число грамотныхъ до—того уменьшилось, что нерѣдко встрѣчается одно грамотное лице изъ *підданихъ* — на нѣсколько деревень подъ-рядъ. Всѣ вириш отличаются юморомъ—иногда очень нескучнымъ. Кромѣ виршей, говорили еще *орачіі*. Ораціи произносились были обыкновенно въ *господі*. Когда приходили съ ораціею, самый бойкій, который долженъ былъ произносить ее, входилъ въ комнату, а прочіе оставались въ сѣняхъ или, просто, подъ окномъ и пѣли—или тропарь—передъ виршею, а кондакъ послѣ нея, или то и другое передъ виршею, если хозяинъ долго не выходилъ слушать орацію. Иногда были пѣты пѣсни, похожія на церковныя, но соб-

ственного произведенія. Иногда вирша, или орація, дѣлилась между нѣсколькими отроками; тогда входили въ комнату всѣ тѣ, которые должны были говорить. Языкъ въ виршахъ и въ ораціяхъ несравненно чище языка проповѣдей, хотъ и здѣсь удерживается *я* въ прошед. времени, и много есть польскаго—особенно въ заключеніяхъ, которыя обыкновенно суть молитвы о многотѣи *слухачовъ*, *жолнпровъ*, *пѣнства* и пр. Преимущественно поминаютъ *рицѣрство*—Теперь вирши уже вытѣснены изъ школъ и бытуютъ между *пѣльнюжками* изъ шляхты, отставныхъ солдатъ и т. п. Иногда декламируютъ вирши пономари или *шутники* изъ поселянъ. Изъ дьячковъ развѣ старики занимаются ими, но молодое все не *відважується*—по застѣнчивости, хотя у многихъ хватило бы и охоты и способностей. Къ цѣлностямъ, которыя выдумала нужда бакаларская, относится такъ—называемый *Сонъ Богородицы*, который между Подолянами чрезвычайно распространенъ и считается молитвою. По преданію, *Сонъ Богородицы* бакалары переписывали и мѣняли на чтѣ могли: на прядиво, сало, крупу, шшено и т. д., для чего они ходили *по-підъ вікна*, какъ теперь *щитинники* и т. п. Голь на выдумки хитра.

А. Свидницькій. (Натриченко).

ПО ВОПРОСУ О ЮЖНО-РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

(Письмо къ редактору).

Къ статьѣ моей: *Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину*, напечатанной въ августовской книжкѣ «Основы», редація сдѣлала слѣдующее примѣчаніе: Помѣщаемъ ее, (т. е. статью) не какъ выраженіе мнѣній редакціи по вопросу о южно-русскомъ языкѣ, а какъ личное мнѣніе автора, могущее вызвать возраженіе, а можетъ быть и разрѣшеніе вопроса, весьма любопытнаго въ настоящее время, когда—съ одной стороны—Великороссы, а съ другой—Поляки, въ древней южно-русской письменности усматриваютъ начатки своихъ собственныхъ языковъ и не признаютъ, въ тоже время, признаковъ языка мѣстнаго».

Это примѣчаніе, какъ ни кажется оно, на первый взглядъ, вѣрнымъ, прямо опредѣляющимъ результаты и моихъ собственныхъ наблюденій, приведенныхъ даже и въ настоящемъ «отвѣтѣ», и замѣтки г. Погодина, въ его спорахъ съ г. Максимовичемъ, поразило, однакоже, меня до такой степени *неточностью выражений и смѣшеніемъ предметовъ* (*), что я призналъ необходимымъ объясниться и, если возможно, устранить поводъ къ недоразумѣніямъ и неправильному взгляду тѣхъ читателей «Основы», которые питаютъ какое-нибудь сочувствіе къ рѣшаемому вопросу. Подобное объясненіе показалось мнѣ тѣмъ полезнѣе, чѣмъ желательнѣе надежда редакціи на возраженіе, а можетъ быть и на разрѣшеніе не только весьма любопытнаго, но и весьма важнаго въ наукѣ, вопроса. Послѣдній относится прямо къ филологіи, а эта наука успѣла уже получить ту опредѣленность и точ-

(*) Какихъ—предметовъ?

ность, (конечно, въ глазахъ людей слѣдившихъ и слѣдящихъ за ея развитіемъ), какія во многомъ приближаютъ ее къ послѣдовательности выводовъ математическихъ. Въ математикѣ же часто приходится начинать съизнова всю работу, какъ скоро въ предшествующихъ выкладкахъ вкралась хотя ничтожная, въ одной цифрѣ или въ одномъ знакѣ, ошибка.

Какъ ни коротко примѣчаніе редакціи, но въ немъ ярко отдѣляются двѣ мысли, одна съ другою, какъ увидимъ, не имѣющія ни малѣйшей связи: 1) Великоруссы въ древней южно-русской письменности видятъ зачатки собственного языка, отрицая признаки языка мѣстнаго; 2) Поляки въ древней южно-русской письменности видятъ зачатки собственного языка, отрицая также признаки языка мѣстнаго.

Что касается до первой мысли, то я бы желалъ знать, кого имѣете вы въ виду, говоря вообще о *Великоруссахъ*? Позвольте мнѣ, въ этомъ случаѣ, переимѣнить ваше *о* на *у*, потому что народъ знаетъ только *Русь*, *Русскъ*, прилагательное *русскій*; неправильность или чужеземность терминовъ *Росскъ*, *Великоросскъ*, встрѣчающихся въ письменномъ языкѣ торжественнаго слога одъ и иныхъ воззваній прошлаго вѣка ⁽¹⁾, всего нагляднѣе обнаруживается изъ отсутствія отъ нихъ прилагательныхъ *росскій* или *великоросскій*. Полякъ можетъ хвататься за случайно и въ позднюю уже пору явившееся названіе *Россеія*, чтобы, слѣдуя неумѣстнымъ и нелѣпымъ своимъ посягательствамъ, искусственно сколоченнымъ терминомъ *Россіянинъ* указать на совершенное отличіе народа сѣвернаго отъ южнаго, но намъ, *русскимъ*, неприлично съ такимъ же презрѣніемъ пошнать ногами голосъ цѣлыхъ десятковъ миліоновъ народа ⁽²⁾ и положительныя свидѣтельства исторіи. Народъ русскій сѣверный, какъ я уже замѣтилъ, не знаетъ ни *Росса*, тѣмъ менѣе—*Великоросса*, а исторія, на самыхъ первыхъ страницахъ своихъ, отмѣтила для сѣвера названіе *Русь*, *Русская земля*, въ ту пору, когда югъ не успѣлъ еще и войти въ составъ одного государственнаго ^(?) цѣлаго: «и избрашася 3 брѣтья съ роды своими, пояша по себѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ

(1) Слово—*Россія*—употреблялось уже гораздо раньше. (2) Совершенно справедливо; но, вѣдь, народъ же говоритъ—*Ра(о)сья*; это слово встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ, — даже украинскихъ; одна изъ послѣднихъ начинается такъ: »Була Польща, була Польща, а егала Россія.»

сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣльозерѣ, а третій, Изборетъ, Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася *русская земля*, Новгородъци (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 8—9).

Кто же эти—Великоруссы? Невольно придется отвѣчать на этотъ вопросъ русской поговоркой: *первой, другой да и обчелся*; въ самомъ дѣлѣ, первой—*Погодинъ*, другой—*Лавровскій*, а больше нѣтъ. Но нѣтъ изъ Великоруссовъ, а есть и еще одинъ, самый важный, говорившій о томъ же дѣлѣ съ полнымъ знаніемъ его, отчетливостью и основательностью, говорившій, какъ истинный ученый, фактами, а не пустыми словами, подобно нѣкоторымъ фантастамъ-беллетристамъ, привыкшимъ, въ умственномъ своемъ усиленіи, рѣшать всѣ вопросы силою, развитого у нихъ бездѣятельностью, одного воображенія и даже отъ надутости самоиѣнія бросающимся съ яростью на эти факты науки, свидѣтельствующіе такъ ясно объ ихъ грубѣйшемъ невѣжествѣ, а тотъ еще одинъ — *И. И. Срезневскій*. Къ какому его относите вы? Хотя и родился онъ въ великорусскомъ городѣ, Ярославлѣ, но еще груднымъ ребенкомъ былъ привезенъ въ южную Русь, гдѣ воспитался, развился, образовался и всецѣло сроднился съ новою мѣстностью, ставшею для него вполне родиною ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, на двоихъ великоруссовъ приходится одинъ малоруссъ, въ рѣшеніи данного вопроса, о языкѣ южнорусскомъ, стоящій обоихъ первыхъ. А вы говорите *вообще* о великоруссахъ и даже сравниваете съ поляками. Не говоря, пока, ничего о характерѣ отзывовъ послѣднихъ, я останавливаюсь на *комической* невѣрности сраиенія. Вѣдь въ Познани, и Берлинѣ, и Парижѣ, и Краковѣ и Львовѣ, даже въ самомъ Царствѣ, трубятъ поляки десятки лѣтъ и цѣлыми легіонами объ отсутствіи малорусскаго нарѣчія,—тутъ можно обобщать; но какъ возможно обобщеніе

(1) Мы должны замѣтить, что такой взглядъ на г. Срезневскаго и его сродство съ южною Русью, которая будто бы стала для него *вполнѣ родиною*, принадлежитъ собственно автору, но никакъ не нашему вѣстнику. Изъ чего видить г. Лавровскій, что въ г. Срезневскомъ мы приобрѣли новаго соотечественника? Не изъ того ли, что, живя въ Харьковѣ, онъ находилъ для себя полезнымъ издавать сочиненія Котляревскаго и украинскія народныя пѣсни съ замѣтками въ духѣ тогдашняго, вовсе не критическаго, направленія, а перейдя на кафедру въ С.-петербургскій университетъ и Академію Наукъ, тотчасъ убѣдился, что гораздо полезнѣе отвергать возможность своеобразнаго развитія украинской литературы и народности?.. Нѣтъ, мы не носягаемъ на права города Ярославля.

великоруссовъ, на основаніи двоихъ лицъ, положенія которыхъ при томъ послѣдовали за учеными выводами малорусса (1)? Не будетъ ли въ этомъ много излишней чести великоруссамъ? Я думаю такъ, и вотъ почему.

Отзывы двоихъ великоруссовъ основаны исключительно на научныхъ данныхъ, выведены изъ наблюдений надъ языкомъ древнихъ памятниковъ письменности русской; другими словами, явились они результатомъ ихъ филологическихъ, правильнѣе—лингвистическихъ, занятій довольно частнымъ вопросомъ—отличіями нарѣчій сѣвернаго русскаго и южнаго русскаго, отличіями въ звукахъ и этимологическихъ формахъ языка. Эта только исключительно лингвистическая сторона и послужила поводомъ отзывамъ ихъ; ничего посторонняго тутъ не примѣшивалось. Но, помилуйте, вѣдь такое занятіе въ современной великорусской литературѣ, сосредоточенной въ журналахъ, выставлено чуть не позорнымъ, заклеяно бездарностью, совершенною бесполезностью; въ требованіяхъ ея рѣшеній *жизненныхъ вопросовъ*, вы встрѣчаете на каждомъ шагѣ непростительнѣйшее презрѣніе къ вопросамъ, составляющимъ основаніе, почву правильного рѣшенія и первыхъ; крикливымъ вожатаямъ этой литературы нѣсколько лѣтъ уже стали ненадобны вовсе трудъ, а съ нимъ и положительныя свѣдѣнія, которые одни могутъ быть порукою вѣрности и основательности заключеній и по жизненнымъ вопросамъ; имъ необходимы только слова, гладко составленныя, перемѣшанныя съ извѣстнымъ количествомъ чужезычныхъ терминовъ для ходячихъ современныхъ понятій, которымъ часто не въ состояніи дать правильного и опредѣленія пишущій, схватывающій ихъ, какъ пѣвучая птица, съ голоса другихъ. И въ вопросѣ объ отношеніи великорусскаго нарѣчія къ малорусскому, современная великорусская литература, въ лицѣ считающихъ себя представителями современныхъ прогрессивныхъ мнѣній въ Россіи, скорѣе бы допустила голословное и отвлеченное сужденіе, чѣмъ бы дозволила явиться на страницахъ своихъ подробному перечисленію фактовъ

(1) Московская газета *День* удостоверить почтеннаго автора, что има гг., рѣшающихъ сплеча подобные вопросы—легіонъ. Они употребляютъ всѣ мнимо-научные приемы для убѣжденія своихъ читателей — «въ нецѣпности украинской литературы»,—тогда какъ для этого было бы достаточно и одного книжно-національнаго самодозволенія и непониманія. *Ред.*

того или другого нарѣчія; другими словами, журнальная литература великорусская охотно дала бы у себя мѣсто самому неглупому мнѣнію, лишь бы оно затрогивало *живые вопросы*, т. е., въ вышесказанныхъ фразахъ, высказывало бы досужую игру воображенія, безъ малѣйшей даже и претензіи на отношеніе этого мнѣнія къ истинѣ (1). Но относительно малорусскаго нарѣчія, великорусская литература не сдѣлала и того (2), а обобщеніе ваше двухъ слабыхъ примѣровъ, къ тому же—съ скучными филологическими данными, по моему мнѣнію, придаетъ много чести великоруссамъ.

Съ другой стороны, при такомъ характерѣ рѣшенія вопроса о малорусскомъ нарѣчій, представленнаго двоими великоруссами, ваше обобщеніе оскорбляетъ и малоруссовъ. Ежели у великоруссовъ нашлось хотя два человека, которые обратили вниманіе, при чтеніи древней русской письменности, на ваше прекрасное нарѣчіе и представили свое мнѣніе о томъ, основанное не на голыхъ словахъ, а на фактическихъ данныхъ, то почему-же молчатъ сами малоруссы (3) и спокойно смотрятъ, какъ одинъ народъ за другимъ, великоруссы и поляки, вторгаются разомъ въ область ихъ языка? Согласитесь, вѣдь, это не къ чести малоруссовъ, ежели они понимаютъ невѣрность выводовъ вели-

(1) Еще разъ должны мы заявить свое разномысліе съ г. Лавровскимъ. Если между дѣятелями современной журнальной литературы не оказалось, положимъ, людей довольно сильныхъ въ его специальности, для того, чтобы признать жизненную полезность лингвистическихъ трудовъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эта литература была до такой степени безнравственна въ своихъ отношеніяхъ къ *живымъ вопросамъ*, какъ это представлено г. Лавровскимъ. Это выходитъ тоже, что въ пословицѣ: *разсердѣсь — да и шубу въ печь*.
Ред.

(2) Такъ-какъ мы, въ объявленіи объ «Основѣ» на 1862 годъ, выразили нашу благодарность «образованнѣйшимъ великоруссамъ за трогательное для насъ доброжелательство», съ которымъ они смотрятъ на оживленіе украинской словесности, то печатая въ своемъ журналѣ упреки г. Лавровскаго, мы обязаны сказать, что слова наши преимущественно относились къ дѣятелямъ современной журнальной литературы, великорусской, которые и въ настоящее время почти единодушно вооружались противъ москвофильской исключительности, проповѣдуемой газетою *День*.
Ред.

(3) Они не молчали. Лишь только г. Погодинъ заселилъ великоруссами землю Кіевскую, г. Максимовичъ вступилъ съ нимъ въ *прю*, а мы слушали только, что изъ этой *при* выйдетъ, вмѣсто того чтобы множествомъ голосовъ заглушать преппирающихся. Что будетъ далѣе — увидите, но погодите оскорбляться (нашими замѣтками) за украинцевъ: у нихъ найдутся собственные голоса для выраженія своего оскорбленія.
Ред.

корусскихъ; о полякахъ пока умолчимъ. Но въ томъ-то и дѣло, что подобное заключеніе, вытекающее изъ вашихъ словъ, невѣрно, и именно потому, что вы о народности-то излагавшихъ научное мнѣніе о малорусскомъ нарѣчій судили по результатамъ этого мнѣнія; вотъ почему и попался г. Срезневскій въ число великоруссовъ, если только вы не оставили его, въ ту минуту, какъ дѣлали примѣчаніе, ни при чемъ, какъ будто онъ ничего и не говорилъ по этому вопросу. А между тѣмъ, г. Срезневскій раньше великоруссовъ высказалъ это мнѣніе, даже зашелъ нѣсколько дальше, до чего не рѣшились доходить послѣдніе, именно, будто и развитіе-то отличительныхъ чертъ *нынѣшняго* малорусскаго нарѣчія обязано своимъ происхожденіемъ не раньше, какъ времени послѣ XIII столѣтія. Слѣдовательно, не только два великорусса, но, что относится къ непризнанной вами чести малоруссовъ, и одинъ малоруссъ, прежде всѣхъ, путемъ чисто научныхъ и самыхъ строгихъ ученыхъ наблюдений, заявилъ, что въ древней письменности-русской не выразились характеристическія свойства нарѣчія малорусскаго. Такимъ-образомъ, съ этой точки зрѣнія, вы, смѣю думать, не можете видѣть въ высказанномъ мнѣніи исключительной принадлежности великорусской, еще болѣе какого-либо непозволительнаго стремленія великоруссовъ, о чемъ можно догадываться изъ сопоставленія вашего послѣднихъ съ поляками (*).

Да и что говорится въ этомъ мнѣніи? По словамъ вашего примѣчанія, великоруссы видятъ *въ древней южно-русской письменности начатки собственного языка*. Какого своего собственного языка. Конечно не народнаго? потому что народный языкъ на сѣверѣ и югѣ существуетъ искони и развивался самъ-собою, то въ большей общности, какъ въ древнее время, въ силу большаго общенія отъ единства государственнаго, то въ отдаленіи другъ отъ друга, влѣдствіе насильственнаго расторгенія и подчиненія чужеземному господству, прошедшему также безъ вліянія на языкъ оторванной части. Безъ-сомнѣнія, вы разумѣете *собственный языкъ письменный*. И неужели же вы что-нибудь серьезно можете сказать противъ этого? неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы думаете, что языкъ древней письменности русской, даже и южной, не былъ дѣйствительно начаткомъ нынѣшняго письменнаго или литературнаго языка русскаго? Сколько

(*) Вотъ въ вашихъ словахъ можно дѣйствительно видѣть смѣшеніе пред-
метовъ.

ни извѣстно намъ памятниковъ древней письменности, и южной и сѣверной, языкъ въ нихъ одинъ и тотъ же, за исключеніемъ развѣ мѣны взаимной *ч* и *щ* новгородцевъ. Да при единствѣ государственномъ, при единствѣ народа, иначе и быть не могло: раздѣленіе письменнаго языка, при такихъ условіяхъ и не мыслимо. Этотъ единый письменный языкъ настолько же былъ начаткомъ сѣвернаго литературнаго языка, насколько и южнаго, иначе онъ былъ начаткомъ литературнаго языка *русскаго*.

Въ XIII столѣтіи, югъ Руси разрушенъ Татарами; посредствомъ в. княжества литовскаго, въ XIV столѣтіи, онъ отошелъ къ Польшѣ: первое обстоятельство остановило на нѣкоторое время литературную дѣятельность, а послѣднее не могло не содѣйствовать новому обороту языка письменнаго на югѣ, и въ то время, какъ на сѣверѣ продолжалось самобытное развитіе древняго языка письменнаго, на югѣ, съ конца XIV, особенно въ XV и XVI вѣкахъ, мы уже находимъ отраженіе въ письменномъ языкѣ нѣкоторыхъ отличительныхъ свойствъ народнаго языка и примѣсъ польскихъ особенностей. При возстановленіи, въ XVII вѣкѣ, снова единства между югомъ и сѣверомъ, обитатели перваго встрѣтили тотъ-же письменный языкъ на сѣверѣ, который, въ основаніи своемъ и въ развитіи до XIII вѣка, былъ и ихъ, въ такой же мѣрѣ, собственнымъ языкомъ; только въ теченіи четырехъ вѣковъ раздѣльности, онъ успѣлъ пойти дальше въ развитіи и кое-что выработать новаго. Да, древнюю письменность русскую, все равно, гдѣ бы ни была она, безъ всякой тѣни сомнѣнія, считаемъ мы положительнымъ начаткомъ *нашего языка*, признавая ее точно въ той же степени и начаткомъ *вашего*, потому, что онъ былъ одинъ для всѣхъ областей единого государства, съ общими признаками выдѣлившагося уже изъ среды остальныхъ Славянъ *языка русскаго*, безъ особенностей, которыя бы указывали на мѣстное нарѣчіе южное. Замѣтьте, съ *обще-русскими признаками*, какъ говорилось мною и въ 1852, и въ 1858, и въ 1859, наконецъ, и въ 1861 г., въ августовской книжкѣ «Основы». Только взаимная мѣна *щ* и *ч* Новгородцевъ составляетъ исключеніе. И при настоящемъ случаѣ, я рѣшаюсь высказать вамъ прямо и рѣшительно, не какъ аксіому, добытую вообще наукою, что и трудно при отсутствіи у насъ воздѣлывателей науки, а какъ личное мое убѣжденіе, вытекшее изъ долготѣхъ наблюденій, что это единство въ древней письменности языка и отсутствіе признаковъ въ ней мѣстнаго южнаго нарѣчія есть *фактъ*, котораго наличными

материалами никакимъ образомъ вы не опровергнете. Въ иныхъ обстоятельствахъ находится вопросъ, который можетъ возникнуть изъ этого факта и рѣшеніе котораго не только любопытно, но и въ высокой степени важно для науки, именно: заключается-ли причина отсутствія признаковъ малорусскаго нарѣчія въ древнѣйшей письменности южной въ томъ, что такіе признаки еще не успѣли развиться, но крайней мѣрѣ не успѣли еще охватить большей части народа, какъ, напр., и нынѣшній переходъ *о* въ *и*, или отсутствіе мѣстныхъ особенностей нарѣчія объясняется не первобытностью большинства массы южно-русскаго народа въ нынѣшнихъ предѣлахъ южной Руси, другими словами—видѣтъ ли причину въ мѣстн. г. Срезневскаго или въ мѣстн. г. Погодина. Такимъ образомъ, первая половина вашего примѣчанія разрѣшается слѣдующимъ образомъ: ученый знатокъ славянскихъ нарѣчій и въ частности малорусскаго нарѣчія, какъ ему роднаго, малоруссъ (*), а за нимъ *только два Великорусса*, въ древней письменности русскаго до XIII—XVI вѣковъ видятъ одинъ языкъ для всѣхъ областей государства и въ немъ *необходимо* справедливо усматриваютъ начатки *собственного* языка письменнаго, т. е. русскаго литературнаго, одинаковаго для сѣвера и для юга Россіи. Обратимся ко второй половинѣ вашего примѣчанія.

«Поляки въ древне-южно-русской письменности усматриваютъ начатки своего собственного языка и не признаютъ въ то же время признаковъ языка мѣстнаго». Прежде всего рождается вопросъ: къ какой древне-южно-русской письменности обратились Поляки? Къ той-ли, какую имѣли въ виду одинъ Малоруссъ и два Великорусса, при выводахъ своихъ о единствѣ языка письменнаго въ древнее время на Руси и объ отсутствіи въ немъ признаковъ малорусскаго нарѣчія, или къ другой? Вопросъ этотъ слишкомъ нетрудный, чтобы затрудняться немедленнымъ же его рѣшеніемъ. Къ древней письменности Поляки не обращаются и въ своей литературѣ; языкъ и собственныхъ ихъ начальныхъ памятниковъ, XIV—XV вѣковъ, становится имъ извѣстнымъ изъ занятій и выводовъ иноплеменныхъ ученыхъ, тѣмъ, естественно, менѣе можно ожидать вниманія отъ нихъ и еще менѣе изученія ими древне-кирилловской нашей письменности. И литература польская, несмотря на все ея громадное богатство въ объемѣ, не

(*) Не Малоруссъ ни по происхожденію, ни по мѣсту рожденія, ни по образу литературной и общественной дѣятельности. *Ред.*

укажетъ ни на что въ пользу такого вниманія ⁽¹⁾ и подобнаго изученія памятниковъ нашей письменности до XIII—XIV столѣтій. Одинъ почтенный Мацѣвскій вздумалъ—было доказывать полонизмъ языка въ словѣ о полку Игоревомъ, приводя какъ будто факты для подтвержденія своего мнѣнія; но этотъ опытъ скорѣе похожъ на опредѣленіе красокъ слѣпымъ или звуковъ глухимъ, какъ имѣли мы случай нѣкогда доказать это печатно. Нѣтъ, Поляки взглянули на письменность южно-русскую совершенно иную, на ту письменность, о которой сказалъ я выше, по поводу насильственного отторженія юга Руси отъ сѣвера и подчиненія перваго господству польскому, письменность, во которой, на ряду съ выразившимися признаками малорусскаго говора, попадаются и свойства польскаго языка. Различіе, какъ видите, громадное. Поляки приняли въ соображеніе такую письменность, въ которой и Малоруссъ и два Великорусса отличили уже несомнѣнные слѣды нарѣчія южно-русскаго, письменность такого времени, когда всѣ они трое сочли-бы безуміемъ не признавать фактически выявившимся нарѣчіе малорусское, какъ самостоятельное нарѣчіе въ ряду остальныхъ славянскихъ, и притомъ отстоящее отъ польскаго, за исключеніемъ вдавленныхъ временнымъ и случайнымъ польскимъ господствомъ словъ, системою звуковою и развитіемъ этимологическихъ формъ такъ-же далеко, какъ каждое юго-восточное нарѣчіе отъ нарѣчій сѣверо-западныхъ. Слѣдовательно, сопоставленіе Великоруссовъ съ Поляками, въ вашемъ примѣчаніи, отзывается полнѣйшею несостоятельностью и неосновательностью. ⁽²⁾

Но этого мало. Сопоставленіе ваше, убѣжденъ, безъ всякаго съ вашей стороны умысла, заключаетъ въ себѣ *tacite* и несправедливое оскорбленіе. Разсмотримъ обстоятельства.

Поляки обратились къ дикому заключенію о языкѣ письменности южно-русской, XVI—XVII столѣтій, не непосредственно, а ужъ какъ къ доказательству ихъ еще болѣе нелѣпыхъ сужденій о *нынѣшнемъ* малорусскомъ нарѣчій. Вамъ, конечно, извѣстны давнишнія тенденціи Поляковъ выставить малорусское нарѣчіе въ смыслѣ провинціализма языка польскаго, на подобіе говора мазурскаго и другихъ поль-

⁽¹⁾ А въ *исторіи Польской литературы*, Вишневекаго, въ *Несторъ*, Бартошевича? Ред.

⁽²⁾ Не ошибаетесь ли вы сами,—такъ-какъ вамъ извѣстно мнѣніе одного только Мацѣвскаго? Ред.

ско-народныхъ говоровъ ⁽¹⁾; извѣстна и цѣль столь невѣжественнаго взгляда Поляковъ, противорѣчіе здравому смыслу котораго можно объяснить единственно лишь разгоряченною фантазіею политиковъ польскихъ, перешедшею, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, за предѣлы самой простой и очевиднѣйшей истины. Объ этомъ имѣлъ уже случай говорить я гораздо прежде выхода августовской книжки Основы и гораздо подробнѣе, нежели въ примѣчаніи редакціи Основы къ статьѣ моей. Скажите теперь, нашелся-ли хотя одинъ Велико-русскій, который-бы, подобно Полякамъ, возставалъ противъ самобытности нынѣшняго малорусскаго нарѣчія ⁽²⁾? Напротивъ, не каждый ли изъ *Русскихъ*, занимавшихся вопросомъ о древне-русскомъ языкѣ, ставилъ во главу угла самостоятельность южно-русскаго нарѣчія въ нынѣшнее время, и уже черезъ эту самостоятельность дѣлалъ поиски въ древности? Примѣчаніе ваше появилось по поводу моей статьи, слѣдовательно черезъ меня произошло и обобщеніе Велико-русовъ и сопоставленіе ихъ съ Поляками, а потому я и вынужденъ остановиться на себѣ.

Сколько разъ ни случалось мнѣ говорить печатно о малорусскомъ нарѣчіи, въ статьяхъ-ли другаго содержанія, въ которое малорусское нарѣчіе входило стороною, случайно, или въ статьяхъ, касающихся специально этого нарѣчія, вездѣ, при всякомъ случаѣ, разсматривалъ я его, какъ особое нарѣчіе, — какъ объ особомъ самостоятельномъ нарѣчіи и отзывался. Не утомляя вашего вниманія приведеніемъ доказательствъ изъ старыхъ годовъ, за семь, за восемь лѣтъ и больше, я упомяну о самомъ недавнемъ времени. Вамъ, какъ истинному любителю всего малорусскаго, а слѣдовательно не неинтересующемуся всѣмъ, что относится въ литературѣ до южной Руси, конечно, извѣстна статейка 1861 года въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ, подъ заглавіемъ «южно-руссій элементъ въ Австріи». Ежели она прошла вами не замѣченною въ свое время, то прошу взглянуть на нее теперь, и вы увидите, что какъ прежде, такъ и въ этой статейкѣ, со всею положительною высказано мною мнѣніе о самостоятельности вообще

⁽¹⁾ Ту же самую тенденцію нынѣ обнаруживаетъ — съ другой только стороны — московская газета *День*. *Ред.*

⁽²⁾ Этотъ вопросъ поражаетъ насъ своею неожиданностію, особенно въ то время, когда новѣйшіе славянофилы производятъ въ представители Галицкой Руси такихъ людей, какъ г. Раковскій, — совершенно чуждый почтеннымъ дѣятелямъ галицко-украинской народности, — подобно тому, какъ г. Лавровскій произвелъ г. Срезневскаго въ Украинцы. *Ред.*

южно-русского нарѣчія; вы увидите, что и сама статейка, между прочимъ, вызвана именно нелѣпыми криками въ польскихъ газетахъ, журналахъ и брошюрахъ, отрицающими дѣйствительность такого значенія малорусского нарѣчія. Поднимитесь двумя годами по-выше, и пробѣгите въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1859, № 6) статью: «обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусского, сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями». Тамъ, самыя первыя строки укажутъ вамъ, какъ смотрѣлъ я и въ 1859 году на ваше родное нарѣчіе. Чтобы не утруждать васъ поисками, я выпишу первыя четыре строчки, въ которыхъ явственно обозначился взглядъ мой, вотъ онѣ: «При современномъ вниманіи къ ученой разработкѣ языка славянскаго, по всѣмъ его нарѣчіямъ, нельзя не остановиться и на малорусскомъ нарѣчіи, развившемъ въ себѣ *столь-же своеобразныя черты, какъ и остальные нарѣчія славянскія*». А вотъ и заключеніе, на страницѣ 39: «Пробѣгая мысленно всѣ приведенныя выше черты малорусского нарѣчія, легко замѣчаемъ, что между ними есть много такихъ, которые *неоспоримо даютъ этому нарѣчію право на такое-же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія нарѣчія славянскія*».

Но независимо отъ всего этого, чѣмъ могла дать вамъ поводъ дѣлать посредствомъ меня сопоставленіе Великоруссовъ съ Поляками и отвѣтная статья моя, напечатанная въ Основѣ? Въ ней точно также, на почвѣ пынѣшняго малорусского нарѣчія совершень и весь процессъ опроверженія г. Максимовича, и подборъ и объясненіе моихъ доказательствъ.

И не смотря на все это, въ примѣчаніи редакціи Основы, по поводу отвѣтной статьи, обвиняюсь не только я, но и Великоруссы вообще въ отрицаніи самобытности нарѣчія малорусского, я, который имѣлъ случай едва-ли не больше и не положительнѣе другихъ утверждать, и притомъ не голословно, а разборомъ данныхъ языка, его самобытность, и какъ обвиняюсь?—сравненіемъ съ тѣми Поляками, противъ намѣренной и безобразной слѣпоты которыхъ, въ этомъ случаѣ, возставалъ-же самъ я, такъ еще недавно. Какъ понять, какъ объяснить это? Мнѣ думается, что у васъ прежде уже, быть можетъ, издавна вертѣлась въ головѣ какая-нибудь сродная съ этимъ мысль, быть можетъ и истинная, и благородная, и благоразумная; вы иска-ли случая обнародовать ее, моя статья почему-то показалаь вамъ

пригодною для этого обнаруженія и вы, не обративши вниманія, что въ ней идетъ дѣло объ отдаленной старинѣ и ограничено единственно поисками характеристическихъ чертъ нарѣчія въ древней письменности русской, впустили эту мысль; а забывши, что сродство не есть тождество, что $a \times b \times c$ не есть $a \times b \times d$, вернули и сравненіе съ Поляками.

Не считаю нужнымъ объяснять руководящую вами мысль, при этомъ сравненіи, но считаю для себя правомъ высказать свой взглядъ на это сравненіе. Оно въ моихъ глазахъ, такъ близко прсмотрѣвшихся къ дикимъ бреднямъ большей части газетчиковъ и журналистовъ польскихъ о южно-русскомъ языкѣ, является синонимомъ укора въ абсолютномъ невѣжествѣ, въ привычкѣ говорить не знаніемъ и изученіемъ, а фантазіею, необузданною въ полетѣ своемъ за идеями, не имѣющими вовсе прямого отношенія къ поставленному предмету разговора — о языкѣ или нарѣчіи, синонимомъ укора въ проведеніи въ общество понятій не истины, все созидающей, а лжи и обмана, все разрушающихъ. Можно-ли обвинять въ этомъ вообще Великоруссовъ, по отношенію къ взгляду на самостоятельность нарѣчія малорусскаго и въ частности обвинять меня, предоставляю рѣшить вамъ самимъ, хотя однимъ словомъ «да» или «нѣтъ», и хотя въ примѣчаніи подъ этимъ письмомъ, (*) которое прошу васъ напечатать, если вы дорожите истинными понятіями читателей вашей Основы, въ чемъ я не позволяю себѣ сомнѣваться.

Петръ Лавровскій.

Харьковъ, 4 ноября, 1861 года.

(*) Мы уже выше замѣтили, что авторъ самъ смѣшалъ предметы. *Ред.*